

Владимир Корчагин
Выбор ваш

Подборка стихов

Владимир Корчагин

Выбор ваш. Подборка стихов

«Издательские решения»

Корчагин В.

Выбор ваш. Подборка стихов / В. Корчагин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906298-7

Проанализировал читательскую аудиторию и, учитывая количество прочтений, расставил стихотворения в порядке убывания интереса.

ISBN 978-5-44-906298-7

© Корчагин В.
© Издательские решения

Содержание

Выбор ваш, или О вкусах не спорят	8
Лидеры	8
Телеграмма	8
Одноклассники	8
Гимн оптимиста	9
Надо женщину любить	10
Сгушенка	12
Мне загадка	13
Папа спит	14
Гимн холостяка	16
Старая школа	17
Не спрашивать	18
Прощение ошибки	18
Померещилось	19
Весенние чувства	21
Звено найти	23
Ошибка	24
Не признал	25
Настроение	25
Эпигоны	26
Философский трактат	27
Случайно	28
Прощальный вечер	29
Молчанье болтуна	30
Как хорошо	30
Однолюб	31
Молчи, уйди, не обещай	32
Уединенье вместе	33
Семейный обед	33
Приятно помолчать	34
Под корой	35
Печь	36
Найди следы	36
Жешарт	37
Детали	38
Вечер праздный	39
Убегая, остаюсь	39
Повезло мне поэту	40
Отчет	41
Запоздалые стихи	41
Цветы теплиц	42
Фальстарт	43
Судьба река	44
Ревность	45
Подсолнух и лодка	46
Опасные игры	47

Не черновик	48
Искать поддержку	49
Зов	49
Уступка	50
У могилы	51
Ты прочтешь	52
Старый дом	53
Психологический портрет	54
Пищей духовной	55
Друг закадычный	56
Я выбрал	57
Псевдосила	57
Проверка	57
Постоянный гость	58
Помощь району	59
Поговорили	60
Отставший	60
Ночная гостя	61
Забудусь в духе	63
Дембельский крест	64
Бусинки чёток	64
Суд божий	65
Склеить узлом	66
Поэт немного не в себе	66
Обманщица надежда	67
Обезьяна и Панда	68
Нежданное признание	69
Куда пойти	69
А вот фиг вам!	70
Тепло встречи	71
Проблема Третьей планеты	72
Портрет	73
Зима внезапно	74
В другой раз	74
Хороший тон	75
Три портрета	76
Сначала	76
Смотря как посмотреть	77
Сито	78
Семнадцать лет	78
Притча	79
Привратник	80
Поработал	80
Персик	81
Ночи плод	82
На этой ноте	82
Мурлычу себе	83
И не зови!	84
Завтра день	84

Забвенье	85
Бомж	86
Уеду!	87
Студенческие будни	87
Стихотворный огонь	89
Рыбалка	90
Решение простое	90
Рапорт	91
Понять отца	92
Переглядки	92
Навязывать предложить	93
Наваждение	94
Мыслящее поле	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Выбор ваш Подборка стихов

Владимир Корчагин

© Владимир Корчагин, 2018

ISBN 978-5-4490-6298-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выбор ваш, или О вкусах не спорят

Лидеры

Телеграмма

«Вовик, Юра какой месяц
Как молчит: письма не шлёт,
В груди сердце не на месте,
Будто червь нутро сосёт...

Может, он попал в немилость,
Знаешь, у него характер крут,
Душой ждать я истомилась,
Сердце чует – карты лгут...

Напиши ему письмишко,
Может, брату он ответит,
Может, я волнуюсь слишком,
Напасть кличу ему этим...»

Прочитав письмо от мамы,
День до ночи растревожен,
Бью на утро телеграмму:
«Юра, брат, молчать негоже!»

Мне в ответ пришла депеша:
«Брат схоронен как полгода:
В парке ночью был повешен.
ВТК, Томск, замнач Родак...»

Еду к матери я вскоре,
Как сказать ей, намекнуть?..
Мать предчувствовала горе:
«Давит мне несносно грудь...»

Одноклассники

Привет!.. А я тебя, мужик, не помню...
Учились вместе – не были друзьями.
С тех пор не виделись, а кто-то помер.
Ни имя, ни лицо не сохранила память.

Ну, как ты жил-бывал, и что ты делал?..
К чему подробности, а кратко не сказать.
Из любопытства встретиться хотелось,
По пьянке что-нибудь хорошее наврать.

Со временем на нет сошло желанье —
Усталость, лень, озлобленность, болезни.
Кого другого – да, себя ведь не обманешь,
Порой не помнить прошлое полезней.

Ну, наливай!.. Знакомиться что ль будем.
Шучу, шучу, хотя... и вправду как чужие.
Плохое помнят – добро забудут люди...
Обидишься поди, не то сейчас скажи я.

В углу Литвинов, я, Баутин, Лазариди,
Какходишь, сразу слева первый ряд.
А я в другом углу, меня никто не видит.
В кругу девчонок я, а ты среди ребят.

Ну, наливай еще, язык бойчее станет,
И не заметим, как подружимся тесней.
Известно всем, капризничает память,
Дает плохих из всех минувших дней.

Мне кажется, что ты такой же тихий,
Как в школе был, поэтому не помню.
Клименко Вовка шутки сыпал лихо,
Смешил весь класс... Он рано помер.

Помянем всех, земля им будет пухом,
Кто не дожил до этой самой встречи...
И скосит нас в свой срок косой старуха,
Так Бог решил, что человек не вечен.

Работал много я, и ездил за границу.
А я служил ракетчиком в Германии...
Раз в Сочи был, и видел Гагры, Рицу...
Как ты, работал, но денег нет в кармане.

Еще по маленькой, когда и доведется
Нам пообщаться. Свидимся, бог даст.
На небесах, что было, все зачтется,
Там соберут на встречу снова нас...

Гимн оптимиста

Встану утром, потянусь,
Не пушу на сердце грусть,
Включу радио «Шансон»,
Без следа развею сон

Беглой легкою зарядкой,
То носки подняв, то пятки,
Бутерброд запью я чаем,
И душа уж не заскушает,

Под нос песенку мурлычу,
Сам себе я симпатичен!..
День прекрасный выходной:
Не поссорился с женой,

Не напился накануне,
Не пускал по пьянее слюни.
Все прекрасно, я доволен!
Пробежать на дачу, что ли,

Прихватив с собой чекушку?
Накукует мне кукушка
Лет еще так пятьдесят...
На меня глаза косят,

Мол, мужик с утра хмельной,
Говорит он сам с собой,
И улыбка до ушей,
Хоть завязочки пришей.

Мне сегодня хорошо,
Я не нюхал порошок,
Я сегодня оптимист,
Словно мне вручили приз!

Надо женщину любить

Надо женщину любить —
Говорила разве мама?
Разъясняла, как любить,
Чтоб любовь не стала драмой?

А любить, что значит слово?
Нежность, ласка, понимание?..
И любить весь мир готовый,
Где берет ребенок знания?

Видит он, как папа нежен
И приветливый с супругой,
Или видит он иное:
Как враги они друг другу?

Или мама скажет сыну:
Папа твой плохой мужчина!
В голове уж у ребенка
Каша, хаос, чертовщина...

То ль любовь такая штука,
Когда любят, но дерутся,
Иль она бежит за двери,
Как об пол разбилось блюдо?

Когда мама лечит ранку
На коленке шалуна,
И тогда на нежность пальцев
Так похожая она?

Иль с букетом в дом приносят
Эту чудную любовь?
Сам смекает, но не спросит,
Не ответят, отругают:

Ты пока еще не вырос,
Что ты можешь понимать!?
Слышит он, как папа злится,
Костерит как папу мать.

В книгах, фильмах, всюду,
Всюду о любви да по любовь,
Что же значит это слово,
Он гадает вновь и вновь:

«Когда девочка мне скажет,
Ты хороший, мальчик, друг!?
Когда бабушка мне скажет,
Ай, помощник, вырос внук!?

Когда папа отругает
За испорченную вещь,
А потом меня научит
Ремонтировать, беречь?».

Все как будто лучше знают
Про любовь и как любить.
То голубками воркуют,
То не могут дружно жить.

Он кричит: Какая стерва!
Сволочь ты! – кричит в ответ.
Вот такие представленья
У ребенка с малых лет.

Вырос он, семью бы надо,
В нем же страх: Не торопись!
Пусть она неотразима
Красотой, душою – рысь!

Про любовь мурлычет нежно,
А потом ударит больно
Прямо в сердце: Сволочь, гад!..
Холостому же привольно,

Ты мужчина, а не раб!..
А найди, чтобы любила...
Ищет, ищет, не находит,
Тратит время, деньги, силы,

Перебрал немало женщин,
В каждой видит только мать,
Но не ту, какую любит,
Нежно хочется обнять,

А другую, всё плохое,
Что в ней видеть не хотелось.
Стыд и страх в нем поселился,
Любит женщин неумело,

Потому что не учили
Его женщину любить!..
Самому придется парню
Научиться как-то жить.

Сгущенка

По копейке – сорок восемь,
Как раз на банку сгущенки.
Мы с братом в ту самую осень
Пили молоко струйкой тонкой.

По троечку, по десятику у мамы тырил,
Да пустые бутылки, копеек по восемь,
В «стеклотару» сдал штуки четыре,
Всё подсчитал – ровно сорок восемь!

Пьем, блаженствуем, праздник что надо!
И к чему бы это, а ссора случилась:
Ты пьешь дольше!.. Нет – ты!.. И радость
Как вода молоком замутилась...

Вечером мама с работы приходит,
Я во двор, как нашкодивший кот...
Не ругаясь, сказала: Не надо, Володя,
Брать без спроса, не кради наперед...

Мне загадка

Мне загадка: сам ответил,
Мол, душа подняться хочет
Через творческие муки,
Говоренье, ну и прочее.

Она гостя ли хозяйка,
Хочет, так обозначает,
Ум, за нею отстающий,
Каждой строчкой умяет,

Напрягись, мол, до предела,
Чувств на слово перевозчик,
А сама как рябь, как ветер,
Быть уловленной не хочет.

Мне загадка: ни поэта,
Ни таланта, ни призванья,
Но зачем-то рефлексируй
С умным видом на диване,

Иль в фантазиях и сказках,
В эмпиреях жить высоких,
Чтоб в эмоциях сто цветных
Пустоцветно множить строки.

Мне загадка: не психолог,
Не профессор, не мудрец,
Как ответить на вопросы,
Чтоб смирился наконец:

Не тебе гадать загадки.
Кто ты есть? Лишь инструмент,
Пищей творческою кормят,
Смысл жить дают в обмен.

Папа спит

Пятилетний мальчишка осознает
Себя в городе большом и страшном.
Видит, в небе летит самолет,
Тянет ручку ребенок напрасно.

А во сне самолет тот упал на ладонь —
Теплый маленький, словно игрушка;
Мчит галопом норовистый конь,
В страхе мальчик вцепился в подушку.

Мама с папой, сестренка и братья —
Все в одном разместились жилье:
В центре стол, а по стенам кровати,
Из окна виден парк и Дворец...

Едут летом в деревню на волю.
Будет папа на стройке трудиться,
Отдохнут брат с сестрёнкой к школе,
С сентября им обоим учиться...

Для семьи дали дом брусовой,
Под окном палисад. Крытый двор.
Долго дом простоял нежилой.
Пол помыли и вынесли сор...

Во дворе на веревках качели,
А за домом большой огород...
Пару месяцев так пролетели,
И семья в мире-счастье живет...

Ночь. Темно. Будит мама детишек:
Собирайтесь! Мы едим домой...
Вот машина подъехала, слышат.
Папа пьяный сегодня и злой...

Шестимесячный крохотный братик
Неустанно и нудно орет —
Среди ночи подняли с кровати.
«Эй, заткните крикливому рот!»

Папа злой, папиросы ломает,
Всё не может никак прикурить.
Вещи мама спеша собирает:
«Я прошу, дорогой, не дури!..»

Он один остается в деревне.
Не поймет ребяшня ничего:
Не достроил еще? Ждет он денег?
Не пускает начальник его?..

Никаких объяснений, торопит:
Быстро в кузов, не будут нас ждать!
И целую малюточку в лобик,
Просит баба его подержать...

Вот машина летит по дороге,
В крытом кузове страшно сидеть.
Мама злится, орет, вся в тревоге,
И в окно не дает посмотреть...

Да, я помню тревожное время.
Пятилетним что мог понимать?!
Ясно вижу, как в кузове едим,
Как баюкает братика мать...

Как пришла незнакомая тетка —
Весть дурную она принесла,
Как вопила в истерике в глотку
Мама после, как гостя ушла...

Вижу гроб, а в нем спящего папу.
Жутко так мне к нему подходить.
Почему-то не хочется плакать...
Посетители вносят венки...

Я за дверь в углу, где игрушки,
Наблюдаю, как подняли гроб.
Попрощайся! – мне шепчет старушка, —
Поцелуй папу, деточка, в лоб...

Я боюсь!.. Не тащите, не надо! —
Прячусь снова за дверь поскорей.
Несмысленный ты, Вовик, ну ладно...
Четверых ведь оставил детей...

И старушка соседка уводит
К себе в комнату: Будем вдвоем...
Как ты мог удавиться, Володя!?! —
Всё бормочет под нос о своем.

Все ушли. Опустела квартира.
«Выйдем что ли, на двор, поглядеть?..
Ах ты, маленький бедненький сирий!..

Вот и некому больше жалеть...»

На дворе грузовая машина,
И откинута вниз все борта.
Гроб подняли на руки мужчины.
Говор тихий. Венки. Суета...

Вот и двор опустел. Напоследок
Крестят воздух и в землю поклон.
Листья желтые падают с веток.
Стар и млад возвращается в дом...

Сорок с лишним годов упорхнули.
Что теперь мне былое жалеть?..
Не узнаю я дом и тех улиц...
Всех рассудит по-своему смерть...

Гимн холостяка

Она притворно смело
Слова слагать умела,
Лукавый взгляд наметан,
Опасно звал намеком,

Движенья рук изящны,
Смех вольно настоящий,
Не зла игра притворства,
И в танце ног проворство,

Умелый шарм в наряде...
Исчезни, бога ради
Сна образ наважденья!
Милей мне пробужденье

В своей родной квартире,
Портрет жены, сатирик,
Не смей же искажать,
Чтоб в плен страстей опять

Попасть, как кур во щи,
Эрот, не здесь ищи,
Я нахлебался вволю,
Холостяка же доля

По сердцу нынче мне:
Я счастлив и вполне!..

Старая школа

В два этажа восьмилетняя школа
Из бруса ..., а нынче она снесена.
Она появилась, как вырос поселок,
И детям на годы служить отдана.

С четвертого класса и до восьмого
Учился я в ней, словно жил, пятилетку.
От «клич пионера: всегда будь готовый»
До комсомольской газеты с заметкой.

В пятом писали контрольный диктант,
Скандал был – полкласса на «двойку».
Оставили нас, а мы дверь на таран
Взяли, где Марья Ивановна стойко

Натиск держала с директором вместе,
«Война» на не шутку тогда разыгралась.
Кто вышел из «битвы» той с частью,
Бог знает, нам дома от мамок попало.

В спортзале мы взялись играть КВН
Между «седьмыми» в субботнее утро.
Пришлось выступать за кого-то взамен,
Я от волнения весь текст перепутал.

Еще мне запомнились в парке линейки —
Классы в торжественном строе, и знамя.
Труд, домоводство: с лопатой и лейкой
В школьном саду занимались цветами.

На против «директорской» помню буфет.
Булочки, коржики, сочень, ватрушки...
На двадцать копеек наешься. Их нет,
Из дома что взял, пообедал втихушку.

С уроков сбегали в «восьмом» на протоку.
Не все. Пара-тройка отличников честных
Не смели. А нам дисциплина по боку,
На речке, на воле весной так чудесно!..

В два этажа восьмилетняя школа
Останется в памяти точно такой,
Как в годы, когда я был молод...
Образ её не затмит «новострой».

Не спрашивать

Не спрашивать, так меньше вероятность
Проникнуть в суть житейских проявлений.
Гарантий нет, что будет нам приятно
Открытие с обратной точкой зрения.

Как мир устроен знать полезно, но опасно.
К примеру, и душа окажется лишь словом.
Проникновением в суть усилится неясность.
Хотим мы знать, а к знанию не готовы.

Не спрашивать, так легче переносишь
Противоречий тьму, и массу нестыковок.
Мы все пронзенные незримой насквозь осью,
Которой некто вертит, иль выдернуть готовый.

Ущербность мира в собственном рассудке
Не замечаем мы – реальность нереальна.
Засечки на кольцо и луч бегущий – сутки.
А время что? Суть дление как дальность?

Не спрашивать – хранить умеренный покой,
Не напрягаться в сложных рассуждениях.
Спокойствие души – сердечник золотой.
Не на предмет глядеть, его лишь видеть тени.

Ответственность за всё да возложить на Бога,
Мол, мы в его руках, он справедливо судит.
Кто так решил, облегчил ли дорогу?
Один ты – человек, а вместе – просто люди.

Прощение ошибки

Простить ошибку как исправить
Вред словом, делом, где нанёс,
Не обязательно, но в праве,
Потребность совести. Вопрос:

Получишь прежних отношений,
Вернется мир первоначальный?
Обиды скрытой устрашением
Пробьется в голосе печальном.

А мир в душе теперь другой,

Пусть возмещен ущерб сполна,
И слом, заваренный дугой
Горячей плазмы, но стена

Незримо их разъединит
Пока что тонкой гибкой пленкой,
И сменит полюсы магнит:
Грубее муж и злей девчонка.

Так что, прощеньем не исправить
Хороших прежних отношений? —
Сомненье тонкое буравит,
Готовит в будущем крушенье.

Он так же дарит ей букеты,
Нежнее прежних поцелуи,
А сам душой блуждает где-то,
Купаясь в чистых райских струях,

Тех невозможных первозданных,
Как и она, в любви купаясь,
Взгрустнет, всплакнет не к месту странно.
Ты, что, любимая?.. Не знаю...

Снимая к ночи крем салфеткой,
С лица улыбку заодно,
И пьет бездетности таблетку,
Не страсть разжечь – уснуть – вино.

И он как будто взбудоражен,
Ласкает страстно только тело,
И оттолкнет его он сразу,
Как завершит по долгу дело.

Ошибка разве прощена?
Она лишь только затаилась,
Достигнет если камнем дна,
Замутит воды сразу илом.

Всем сердцем искренне простить,
Но так, чтоб сразу позабылось,
Ошибку надо отпустить,
Не дать ей, чтобы затаилась.

Померещилось

Володя, ты один без дамы, непорядок,

Когда у всех у нас имеются подружки
На стороне. В общаге лучше – рядом.
Татьяна с пятого – возьми её на мушку.

Девчонка скромная, премилая, и стрижка
По плечи, брови черный, и прочее к лицу.
На радость нам, завел бы с ней интрижку,
Что пропадать за зря красавцу молодцу.

Так допекли друзья, что воспылал, короче,
Взглянуть на чудо деву с пятого в натуре.
Знакомиться сойдет и плёвый повод к ночи,
Скажу, мол, дело есть, пойдём-ка перекурим.

Я не курю, прости, ответила негромко,
Гулять мне поздно, утром на занятие...
И носовой платок, записку будто скомкав,
К губам прижав, зевотку прикрыла кстати.

Ну, я пошла. А я?.. А ты приходи в субботу,
После обеда, в три, когда уйдут девчонки.
Её усмешкой взгляд досказывает что-то,
Издевка надо мной, намек ли это тонкий?..

Ну, как? лады, иль бортанула девка?..
Скажи, Сашок, не ты ль терпел конфуз,
Не с этой ли, со скромницею дерзкой?
Ну, с ней, а что? Ты знаешь, я не трус.

Конечно нет. Тёр уши мне неделю,
Мол, милая, красавица и прочее...
И не соврал! Прекрасна в самом деле.
На днях свиданье назначила, короче...

И прям до вечера нам комната досталась.
Пока, пока, Татьян! – ушли её соседки.
Час говорю, мне тем уж не хватало,
Она же невпопад обронит слово редко.

Я так и сая, пойдём, мол, погуляем,
Что взаперти сидеть, на танцы, на Орбиту?
Она глуха и здесь, слова бросаю зря я,
И по лицу видать спокойна, не сердита.

Касаюсь рук её, и хлад идет от пальцев,
Как мертвые, как мрамор. Не убирает рук.
И смотрит в пол. Что делать с нею дальше?
А может быть мертва? Я ужаснулся вдруг.

Прощай! Пора. Не шелохнулась даже.
Мне ноги ватные волочить долго к двери.
Я ухожу, что на прощанье скажешь?
И что мерещится, уж верю, и не верю.

Весенние чувства

Что-то жду, а что, не знаю,
То мечтаю, то вздыхаю
О хороших прошлых днях,
То пронзит о смерти страх,

Мол, что видел, что имел,
Обладать чем не сумел,
Всё равно, так мало жил,
И еще осталось сил

На три жизни, на три века.
Смерть приходит к человеку
Не тогда, когда он хочет,
Жить, когда полюбит очень,

Строит планы, счастья ждет,
Вот тогда и смерть придет!
Нет, конечно, не об этом
Думал я в начале лета.

Вот теплицу бы достроить,
Как тепло придет, мне стоит,
И семян купить набор,
Починить вокруг забор,

Срезать старую малину...
Что за мысли, чертовщина!
Мелочь всякая. Довольно!
Отчего душе так больно,

Жизнь проходит, я старик,
Видно, так я жить привык —
Ждать, мечтать о чудном мире,
И скучать в пустой квартире,

Стоя молча у окна?
Толи ум недомогает,
И душа опять больная,
Коли сам не понимаю,

Жду чего, чего хочу,
И, боюсь, не получу.
Жизнь, она из мелочей,
Из тревог, забот, детей,

Жизнь всё то, что есть вокруг:
Ссоры, пьянки, дача, внук,
Всё, что мелочь и пустяк.
По-другому жить-то как?

Кто как может, так живет.
Сделав круг, вернулся вот
В то начало, в ту же точку,
И уперся в ту же кочку:

Смысл в чем, зачем живем?
Сын и дерево, и дом?..
Есть три сына, дом на даче,
Там и сад большой в придачу,

Есть три внука, внучек – две.
Что мне делать на Земле?
Все дела, коль переделал,
Умирать тогда уж смело?

Нет, чего-то тут не так,
Догадаться не мастак,
Где закопана собака.
Мне смеяться бы, не плакать,

Жизнь вполне же удалась!..
Не совсем, а только часть.
Счастье мимо проскользнуло,
Или жизнь меня надула,

То есть, всё дала с лихвой?!
И пока еще живой,
Буду ждать, чего, не знаю,
Отчего весною маюсь

В день прекрасный, выходной.
Может, просто я больной,
Так любви мне захотелось,
Кровь несет её по телу,

Вызывая жар душевный.
Я старик, скажу я гневно,
Что за шутка, что за чушь,
Я отец и дед, и муж!..

Тяпну рюмку – успокоюсь.
Лезут мысли, что ж такое
В этот первый день весенний,
И сердечное биенье

Просто связано с недугом,
И взволнован от испуга,
Что могу и умереть.
Осторожней буду впредь!

Звено найти

Молоко парное с пенкой пахнет травами лугов,
Тетя Паша через марлю цедит в кринки из ведра,
Напоследок кружки наши наполняет до краёв,
Нарезает хлеб горячий: «Ешьте, пейте, детвора!»

Мне, кажись, пошел в ту пору год, наверное, шестой,
До того, как папа помер, жил я жизнью городской,
А теперь живу в поселке, за каналом в засыпушке:
Огород большой, собака, кошки, боров и цыпушки.

С мамой пятеро: сестренка, двое братьев, ну и я,
Вокруг печки в помещение уместилась вся семья.
Позже там разгородили на три комнатки и кухню,
Не замерзнем мы зимою: ни на час в печи не тухнет.

Память в шутку ли играет, перепутает страницы,
Толи вправду я ребенок, старику ли это снится...
В миг один осиротели, тетя Наташа, дядя Коля,
Завертелось, закружилось, мама плачет: горе, горе.

Теснота, у стенок нары, восемь малых ребятишек,
Мама утром и под вечер: Спите, детки, тише, тише.
Осень, холодно, одежду кой-какую раздобудешь,
И на улицу в тот час, на забор смотреть, как люди

Ходят-бродят по дороге: бабка старая с авоськой
Чуть бредет, ругая громко незадачливую Тоську;
А за ней мужик в фуфайке наклонится спотыкаясь;
За машиною вдогонку свора псов промчится с лаем.

А весну встречали позже на Степной у речки малой,
Щитовой нам домик дали, место тоже не хватало:
Комнатушки две и кухня; огород, сарай с сортиром;
Васька кот, собака Шарик, куры, их петух задира.

Вскоре после наводнения: паровоз, вагон, вокзалы;
Коми: Вычегда и Жешарт: что в поселке не хватало?..
Двухэтажный дом из бруса, место много, нам раздолье,
Мама утром на работу, трое в школу, в садик Толик.

Пару лет мы бедовали: сто с копейками зарплата,
Плюс пособие отцово, даже в нужном недостаток.
Всё, сказала мама, едем мы обратно в наш посёлок,
И опять вагон, вокзалы, интересный путь, но долгод.

Молоко парное с пенкой пахнет травами лугов,
Тетя Паша через марлю цедит в кринки из ведра,
Напоследок кружки наши наполняет до краёв,
Хлеб ломтями нарезает: «Ешьте, пейте, детвора!»

Вот теперь звено, надеюсь, цепь единую сведет,
Мне тогда не шесть, выходит, а девятый стукнул год.
К тете Паше после школы прибегаю погостить,
И она меня так рада с дочкой вместе накормить.

Ошибка

«Привез» координаты,
А циркулем по карте
Проверил тут же грубо,
Не грызли бы сомненья,
Что «врет» топопривязчик.

Сержант второго взвода
В усмешке кривит губы:
Ошибся ты в расчетах!..
Старлей от злобы скачет,

Мол, за тебя, паршивца
Полковник не уд влелит.
А я смолчал, не спорил,
Как возражать нелепо,
Он на полгода дольше
Меня служил, и вскоре

Из части дембельнется.
Проверил гирокомпас,
Проверил и расчеты,
Жду страшную развязку...
ГСВГ. Проклятая Европа,
Ведь отпускают в отпуск

Лишь схоронить кого-то,
А вовсе не за службу...

Отбой! – звучит команда.
Отбой! – кричу я эхом.
Убрать приборы, Саша,
Иван, крути баранку.
Но не успел уехать,
Старлей рукою машет.

По вашему... Отставить!
Твои расчеты верны,
Хочу тебя поздравить
За службу! Но... Ошибся
Сержант второго взвода.

Не признал

Да ну, смеешься, друг, не сочинял я это,
Мои способности к писанию скромны,
Сам сочинил, иль вычитал ты где-то,
Ну, в общем, взял стихи со стороны.

Не надо мне навязывать чужое,
Свои узнал бы сразу, эти – не мои,
Не автор я, оставь меня в покое,
Страстей таких и сроду нет в крови.

Не спорь же зря, не доводи до ссоры,
Ну да, мой почерк, стиль слегка похож,
Стихов не крал, и не хочу стать вором,
Меня ты лестью, друг, не проведешь.

«Не отрекайся от стихов, что ты писал
Тому назад лет тридцать или двадцать,
Ты не склеротик скромный, а нахал,
Твои стихи, и нечего стесняться!..»

Настроение

Что ни скажу, признаться всё ж придется,
Не к месту похвала, и сердце ровно бьется,
И с тихой радостью, с обиженной грустью,
Признание позднее душа уж не пропустит,

Ей мнится лесть, и та, что истину сокрыла,
Пусть будет сказано: Стишок и этот милый!
Да если было б так, уверовал сначала,
И музыка в стихах лирично бы звучала,

Но молодой поэт страдает притеснением,
Нудит писать его невежественный гений,
Чтоб через день труды безжалостно убить?!..
Не потерять бы логики рассудочную нить,

И не заметить, что глодает душу самоедство,
Неполноценность та, стыдливая, из детства,
Возьмет опять бразды над чувствами печали,
Не вы ли настроения перемены подмечали?

Упрек и глуп, несправедлив, душа поэта
Его лишь собственность, и гордостью задета
Своей же, недруг страх и родственник позора,
Ждет похвалы, и на расправу очень скорый,

Как пламя выгорит любви страстями упоения,
Он здесь, чтоб притушить сердечное биение:
Ничтожество!.. Уйди с дороги великанов...
И я болтлив с самим собой, и точно пьяный,

Мне хорошо в слезах, никто и не услышит...
Ум изнемог выдумывать – душа не пишет,
Она, пришибленно пока, притихла, и таясь,
Ждет перемен погоды дня – стихи и страсть!

Эпигоны

Я как Хвостов наоборот —
Поэт, не верящий в талант,
Пишу, пишу из года в год,
Видать, как он, я графоман.

Быть может, я Хвостов и есть,
Родившись заново, в наш век,
Но потерявший титул, спесь,
Обычный скромный человек.

Таких Хвостовых нынче тьма:
Сложил две строчки и – поэт.
Всё пишет, пишет от ума,
Талант ли есть, его ли нет.

Но пару слов скажу в защиту:
На графоманах вырос гений,
И пишет счастливый и сытый
Лишь ради славы, а не денег.

А кто рожден с душой больною,
Тот не писать не может тоже,
Как страсти с чувствами заноят,
Он за перо, и пишет с дрожью.

И гражданин патриотичный,
И диссидент в каком-то роде,
Он поневоле поэтичный,
Душой печется о народе.

Средь них немало эпигонов,
Строка горит священным гневом,
Борца примерить бы корону,
А сам не «правый» и не «левый».

Центрист, нейтральный – не поэт:
Искусства ради; жертва музыки;
Глядит душой на мир в лорнет,
Где лишь базальт, он видит друзу.

А мне ли собственно решать,
Кто графоман, а кто не очень:
Помимо воли, как душа
Петь поэтически захочет...

Философский трактат

Да, философские трактаты
При взгляде беглом чушь сплошная.
О ком молва – ума палата,
И он порой не понимает,

Иль автор в тайны посвящен,
Иль гений явно сумасшедший,
Играя терминами он,
Мир строит так, что нам не легче

Понять, блестящие идеи
Свершают умственный прорыв
За грань известного, я смею
Сказать, о, чушь, трактат закрыв,

И в ящик долгий книгу кинет.
А через год вернется к чтению,
Увидит ясно в той картине
Глубокий смысл, с недоуменьем,

Что раньше мог не понимать,
Философ прав на сто процентов,
И фразы выпишет в тетрадь,
Чтоб применять как аргументы

В застольном споре под бокал,
Подать как плод воображенья,
Мол, долго ум свой напрягал,
И не заметить искажение

Самой основы смысла сути,
Как лишь заимствовал в трактате,
И ум грызет и совесть мутит,
Он выдаст автора ни кстати.

Случайно

Случайно ли, но мы в один автобус
Билеты взяли, как бы сговорясь,
О пустяках беседуя, мы радовались оба,
Что случай лишь усиливает страсть.

До Города добравшись из поселка,
Мы не спешили разлучиться у вокзала,
Смеялась ты, глаза сужая в щелки,
На шутки плоские, как будто обещала

И этот день запомнить хорошенько,
По Городу прогулку часовую,
И запивая газировкою печеньки,
Платочком губы промокала к поцелую.

Но отчего-то я с тобою был несмелым,
Чтоб сделать шаг, движение к продолженью,
Порыв души удерживало тело,
И ты, сердясь, молчала с раздраженьем.

Пока!.. Пока!.. Подали уж составы,
На запад мне, а ей южнее – к папе,
В её глазах упрек, согласен, я неправый:
Случайный шанс, дарованный прошляпил.

Прощальный вечер

В ресторане «Интурист»
Напоследок собрались.
Водку в сумочках девчата
Пронесли, нам маловато

Будет то, что заказали,
И украдкой подливали,
Как опять пустел графин.
А подвыпивший грузин,

Широко сорил деньгами,
Веселился с земляками.
Песню часто и одну
Исполняли лишь ему.

Тут и мы зашевелились,
Под закуску пропустили
Пару-тройку коньяка.
Опьянел и я слегка,

Опьянел и осмелел,
И к Татьяне уж подсел,
Что трепался, не понять,
С ней одною танцевать

Мне хотелось, что вокруг,
Для меня исчезло вдруг...
Но пора и расставаться.
Соберемся ль снова, братцы,

Как покинем институт?
Все по жизни пропадут,
Разбегутся по стране...
Одиноко нынче мне,

Вот ушла с подругой Таня,
Подарила мне на память
Этот вечер.... У окна
До утра сидел без сна.

Ах, шальная голова,
Говоришь не те слова,
Не для сердца утешенье,
Не спасаешь от крушенья...

Молчанье болтуна

Порой молчанье больше скажет,
Чем наш развязанный язык,
Поймешь другого лучше даже,
Как жить по совести привык.

На поводу своих эмоций,
Что не хотел, наговоришь,
Просить прощение придется,
Но обвиняешь только лишь.

Несносен стыд, а виноватым
Быть перед кем-то невтерпеж,
Честь сохранить, пытаюсь свято,
Во имя чести же солжешь.

От бед кого предостеречь
Захочешь, им же будешь руган:
Иль не поймет твою он речь,
Иль её только лишь напуган.

Молчанье – золото? Вопрос!..
На благо наше говоренье?..
Кто задерет свой мудрый нос,
Тот подвергается гоненью.

Какая следует мораль?..
Сболтнешь, смолчишь ли невпопад,
И так, и эдак скажут: Враль! —
И той же ложью подтвердят.

Как хорошо

Как хорошо, что не случилось
Нам подружиться потесней...
Свела нас жизнь, и разлучила,
Чтоб вспоминать до этих дней.

Как хорошо, что вышла замуж,
И век верна была супругу...
А мне достался образ Дамы,
Для сердца милая подруга.

Как хорошо, что мы не в ссоре,

И друг от друга не устали...
Не счесть похожих тех историй,
Влюбляясь, только и мечтали.

Как хорошо, что не узнала,
Какой я есть на самом деле...
Душа несбывшимся питалась,
Чтоб годы днями пролетели.

Как хорошо, что есть на свете,
О ком так мило вспоминать...
А у детей моих свои уж дети,
По кругу жизнь идет опять...

Однолюб

Этот мужчина готов подождать:
Любимая станет вдовою.
Десять пройдет или лет двадцать пять,
Неважно, я рядом с тобою.

Ему говорят: Не губи свою жизнь,
Она тебя явно не любит,
На очень похожей пока что женись,
Так делают многие люди.

А он говорит, мне забыть не дано
Любовь, я рожден однолюбом.
И преданным буду я ей всё равно,
Шепнули «жди» будто бы губы.

Чудак ты, друзья говорят напрямик.
Дождешься, как станет старухой.
Лет через тридцать сам станешь старик,
Могила вам будет порукой.

Пусть так, отвечает, я век холостой,
И сватать меня бесполезно.
Ты, друг, у супруги своей под пятой.
Любовь между вами? Нет! Бездна.

Если и любит, так деньги твои,
Наряды, веселье, курорты,
Измены и ссоры таи, не таи.
Где дети? Увы, лишь аборт.

Жестоко меня ты сейчас причесал.

Сор не выносят из дома...
Любовь твоя первая, что, идеал?
Вы шапочно были знакомы.

Вот почему я такой однолюб,
Пусть тайной останется лучше,
Давно я на женщин затачивал зуб,
Подыскивал только лишь случай.

И та, что посмела тогда отказать,
Станет моею супругой!..
О, как изощренно смогу наказать!..
А я излечусь от недуга.

Молчи, уйди, не обещай

Я понял тонкую уловку
Не сразу, позже, через день,
Да это ж рекогносцировка,
Наводка тени на плетень.

Была и к месту говорливость
Моя, и ласковость её,
Намеки в сдержанных порывах,
Мне душу будто отдаёт.

Была, коль фальшь, неощутима
В игре на грани естества,
К тому ж наивный я мужчина,
Заметить мог ли что едва.

Но удивительно другое,
Стеснения будто бы лишен,
Как сам увлекся я игрою,
Мне с нею было хорошо.

И я глядел в глаза открыто,
Она не прятала свой взгляд,
Но в глубине зрачков защита
Тоской страданий всех утрат.

Касанье пальцев осторожных
Искали трепетно объятье,
Мол, целовать меня уж можно,
Вязать слова губами хватит...

Вернул в реальность резкий зуммер:

Ало, я скоро... Ну, прощай!
И миг желанный сразу умер:
Молчи, уйди, не обещай...

Уединенье вместе

Мне не понятен собственный мотив
К уединению затворника стремиться,
Я средь людей общеньем с ними жив,
И говор их, приятно видеть лица.

На полках книги, множество томов,
Я как бы окружен всегда толпой немою,
И чувствую я их невнятный тихий зов:
Заговорят, как том в тот час открою.

Простой рассказ, печальная ли повесть
В мою судьбу ворвётся со страниц,
Гадаю наперед, фортуна что готовит,
И спорю, и иду с героями на риск...

А радио включи – живые голоса,
И мнится мне, беседуют со мною;
Средь музыки забыться с полчаса;
Иль вдруг душа мучительно заноеет.

И мира пульс во мне согласно бьется.
Я одинок? Да нет же, я со всеми!..
А уединиться если часом доведется,
Я погружен в себя, не замечая время.

Семейный обед

Отца я помню, как в тумане,
Пять-шесть найдется эпизода,
Но память детская обманет,
В те дни, вернувшись через годы.

Веселый, стройный и подвижен,
А может, строгий, даже злой,
В рассказах мамы его вижу,
Во мне, ребенке, он живой.

Семейный стол полуовальный,
Отец, я слева, справа брат,

Он усадил нас специально —
Учить приличиям ребят.

Мне ложку левою рукою
Взять неосознанно хотелось,
Отец мне строго: Что такое? —
Бьет подзатыльник то и дело.

А брат откусит хлеб и долго
Жует его и не глотает,
Отец встряхнет его за холку, —
Не подавись, запей-ка чаем!

К его приходу дети в чистом
Должны одеты быть и рядом,
И стол накрыт семейный быстро,
После отца все только сядут.

Жена должна сидеть напротив,
А рядом с мамой дочь Галина;
Кастрюля с супом, с мясом протень;
Отец вино нальет с графина...

Сам помню ль это пятилетним,
Иль мама позже рассказала,
Как притихали сразу дети —
Отец входил неспешно в зало.

И те семейные застолья,
И воспитательные меры,
Не мог придумать я, тем более
С годами в память крепнет вера.

Приятно помолчать

Если нечего сказать,
Если чувства не понятны,
Надо просто помолчать,
А молчать, порой, приятно,

Необычно, и неплохо.
Говорить, когда не надо
Ни с улыбкой, ни со вздохом.
Почему душа не рада

Тишине внутри себя?
Неуютно ей как будто,

Мысли чувств не теребят,
Не стараются запутать

Чувства мысли. Тишина,
Но вблизи, а где-то глубже, —
Ум не видит ясно дна, —
Ветер ярости разбужен,

И взорвет поверхность вод,
Но когда, не угадаешь,
Страсть безумия придет.
А пока душа пустая,

Хоть и вольно, но тревожно,
Что в ней варится тайком?
Помолчу, пока что можно,
Душу слушать мне потом.

Под корой

Старой защитной корой шелушится,
Что под душой мы в понятиях имеем,
Что обитает, сосущее соки, под нею,
Жучков-короедов там рыскает птица,
Кабы до смерти не сгрызли, годится

Душе этой самой все недруги-друзи,
Она под корой шелушащей в кольчуге,
Не в панцире, не в скорлупе окаянной,
И не темнице, она под корой слоистой,
То сонная в соке, то рвется неистово,

И в камбий течет кровотокающей раной,
Чтоб почки на волю рванулись бы жадно,
Кора оживает зеленой одеждой парадной,
Взрывается пеной цветочной дурманной.
Кто знает, за старой что скрыто карой,

В стареющем древе душа ль молодая,
Даже, которая, пень превращает порою
В куст буйный, и сломы покроет смолою,
Но может и дуб вековой загубить, покидая
Его от тоски в одночасье, какая, кто знает.

Печь

Засыпная изба, шесть на восемь, и печь,
Типа русской, в середке – громадой.
На морозе продрог, если, можно прилечь
Хоть втроем, и тесниться не надо.

Палку-конь, оседлав, нарезая круги,
Я скачу и скачу вокруг печки в атаку,
На пути табурет, слышу звон кочерги,
Мне смешно, хоть и хочется плакать:

На коленке синяк, и заноза в ладонь,
Ну и пусть – я врагов победитель.
Печка дышит теплом, догорает огонь,
И меня, я на ней уже сплю, не ищите...

Найди следы

Туда мне ехать бесполезно
Следы, затертые искать,
Там в новой жизни я исчезну,
Как лет минуло тридцать пять.

Не постоять мне на «Орбите»,
Друзей не встретить, где они?
И вы меня там не ищите.
Мы в новой жизни не видны.

Пень сгнил давно в Зеленой роще,
Где пили водку за успех,
Туда не ехать будет проще,
И без того я помню всех.

Мой первый курс неповторимый,
Событий в нем не перечесть.
Студгородок проеду мимо,
И увезу с собою весь.

Сойти, зачем на остановке,
Где мне чужая молодежь,
И не стоять у самой бровки,
Тех дней чудесных не найдешь.

Сказал и... вышел торопливо,

Боясь на ленту опоздать...
Пусть всё в былом, но я счастливый
С минувшим встретиться опять.

Жешарт

Печное отопление в пятиэтажных,
в домах кирпичных, и без лифта.
На чердаках веревки бельё сушить
привязаны к стропилам.
«Бомбоубежище» и стрелка-указатель
чернеют крупным шрифтом.
В подвалах тесно: там ящики, клетушки,
Как население углем тогда топилось.

Раздолье нам, ребятам: подвалы, чердаки
доступны для тусовок в любое время суток.
Там схроны и лежанки, от взрослых тайники.
Там старшие ребята играют в карты будто
по-крупному на деньги, ворованное прячут.
Там место для свиданок, выпивок и драчек.

А малышне в ту пору, как я сам, дошколятам
казались ужас-сказкой те чердаки, подвалы.
Таинственные тени, страх темноты заклятый
к себе магнитом тянут, какой-то звук, бывало,
В углу раздастся темном, душа уходит в пятки.
Но мы туда стремились, играли даже в прядки.

А город разрастался среди тайги бескрайней,
вбивали сваи шумно, копали котлованы...
За Вычегду за зверем ушли лесные тайны,
Как здесь от новостроек в земле зияли раны.
У старого завода большой завод фанерный
Заложен еще в зиму, как основной, наверное.

Бараки, частный сектор, дома из бруса всюду
В два этажа, с полсотни, где мы когда-то жили.
Тех мест из детства разве когда-нибудь забуду,
и школу, и конюшню, церковей старинных шпили.
Аэродром, за лесом поле, куда толпой бежали
Смотреть мы, ребяташки, как самолет сажали.

Клуб, склады, водокачка, через мосток и школа.
За ней завод фанерный, гараж, забор, сторожка...
Как далеко те годы, места, где был я молод...
Вот вспомнил ненароком, и погрустил немножко.

Детали

В полуподвальном складе с маленьким окошком
Сжигаю день за днем, не водкой лишь разбитый:
Развал семьи, за курс «хвосты» царапаются кошкой.
«Как духом бы воспрянуть, ответ себе найти ты».
Эй, Вольдемар, привет! Уснул, грызя наук граниты?

Я думаю, в три дня как сдать работу по деталям,
Еще зачетов пять иль шесть, экзамен по спецкурсу,
Я как павлин хвостатый... По круче мы видали
Хвостатых средь студентов, не разводи турысы,
Я помогу, поверь мне, изящно и со вкусом!..

(Майор Можжухин учился параллельно на вечернем,
И тактику, на кафедре военной, он преподавал,
По службе, где по дружбе доцентов многих знал,
И мне, собрату по учебе, решил помочь, наверно)

И началось: одни несут курсак с запиской,
С него другие передрали листы на дралоскопе,
Мне утром лишь осталось произвести подчистки,
И с тубусом под мышкой бежать, как по Европе.
Входите, ожидаюсь, студент, товарищ, хлопец,

Скажите, вычислили как, Вы, передаточные числа?
В коробке есть ступени червячных зацеплений?
Вам обо мне сказали?.. И пауза повисла.
Да-да, но на вопросы ответьте тем не менее:
Вы по Анурьеву считали на прочность эти звенья?

По методичке вашей: «Расчет машин деталей»,
И по конспекту тоже... А это что за узел?
Ну, привод, иль подача... Вам обо мне сказали?
Да-да, но недоучкам нет места в нашем вузе,
Идите и готовьтесь!.. Я выскочил в конфузе.

От корки и до корки читал всю ночь записку,
Все чертежи проверил, как будто сам чертил,
Теперь готов к защите уверенно, без риска...
Доцент же: Проходите, – сам вежливость, и мил,
Ни одного вопроса: Прошу зачетку Вашу!..
Простился, улыбаясь, пожал мне руку даже.

Вечер праздный

После бани нагишом
За столом с супругой,
Нам пока что хорошо,
Что не злим друг друга.

Водку пьем и говорим
То да сё – о разном...
Сигаретный вьется дым,
Вечер длится праздный.

В доме тихо, мы вдвоем
За столом напротив,
Говорим и водку пьем,
Мало что заботит.

Я ли брякнул невпопад
Фразу ей с упреком,
И в ответ услышал мат,
Вздрогнул как от тока.

Или ей какую блажь
В голову надуло,
Разыгрался эпатаж,
Сводит в злобе скулы.

Убежал в тот час Амур,
Скрылся где-то Эрос.
Всё, закончен перекур.
Вечер злой и серый...

Убегая, остаюсь

Домой бегу к делам, но не к супруге,
Всегда заняться есть чем на досуге.
Когда бы мог работать не за деньги,
Уединенно жил себе бы помаленьку.

Уютный домик с садом – огородом,
Где надо из колодца черпать воду;
Собачка, кошка, куры, голуби, коза...
Порой закрою так мечтательно глаза,

И вижу край среди садов цветущих,

Что не дано пока, захочется мне пуще
По выходным бежать с утра на дачу,
К тому ж супруга уклоняется тем паче.

А вечером стихи пишу, читаю книжки,
Иль думаю, что нелюдимый слишком,
Когда в покой стремлюсь уединенья,
Не шум и суету – душа другое ценит.

А вот гостям я рад, когда они порою
Нахлынут в дом незваные гурьбою,
В тот час язык безумолчно беспечен.
И все-таки пусть будут реже встречи,

Вторженьям так я быстро утомляюсь.
Противоречиям душевным удивляясь,
Спрошу о том её в тиши уединенья,
Свободный я и в то же время пленник

Каких-то мыслей скрытых и глубоких,
Один – грущу, с людьми же одинокий,
И прячу боль под маской ироничной.
На чем основано желания двоичность,

Не в силах ум рассудком докопаться,
Так стоит ли мне все-таки стараться,
Когда бегу с работы вечером домой,
Как ни хитри, а встретиться с женой!

Повезло мне поэту

На своём она держится твердо,
Отмолчится, спроси, не уступит,
Страх унизиться, вот её гордость,
Толчёт воду эмоции в ступе.

В протестующих сетях привычек,
Жизнь наладится, если стерпеть,
Счет претензий бы ей обналичить
В слитки золота, выбросив медь.

Снять запоры с души не умея,
В откровенность любую не верит,
Зачастую беседовать с нею,
Как кричать через плотные двери.

Не желая, несносно фальшивит,

Опрометчивость слов безрассудна,
От обиды они, от души ли,
Но считает себя неподсудной.

А наутро молчит неприступно,
Не она обвиняла, конечно...
Повезло мне с супругою крупно,
Мне поэтом не быть с безупречной.

Отчет

Отчет даю неведомо кому,
Как жил, учился, где работал,
Никто и не желает знать, я не пойму,
Зачем готовлю тщательно отчеты?

Бог без того всё знает наперед,
И близкие, что рядом жили, знают,
Желанье приукрасить жизнь свою солжет,
А совесть пристыдит, как лгать я начинаю.

Отчет даю неведомо зачем,
Как я судьбой своей распорядился,
То умолчу, то разболтаю всем,
Что скрыть хотел, чего стыдился.

А то случайному попутчику сболтну
Так убедительно, чтоб мог бы и поверить,
Фантазию иль быль, историю одну,
Тщеславие, ведь знаю, лицемерит.

Не сможет слушатель меня разоблачить,
Мы через час расстанемся навечно,
Сам в выдумку поверю, может быть,
Как жить хотел, в отчет внесу, конечно.

Событий разных, фактов подтасовку
Для выгоды какой-то допускаю,
Ведь Богу видна всякая уловка,
Потом пред ним я искренно покаюсь?..

Запоздалые стихи

Тебе стихи я посвящал,
Ты ничего о том не знала,

Жалел, винил, рубил с плеча,
И слов других сказал немало.

Вот три десятка лет прошло,
Нашли друг друга в интернете,
Язык молчал, нет прежних слов,
Стихи не к месту были эти.

Глаза в глаза признаться смело
Тогда казалось невозможно,
Теперь, как поздно, расхотелось,
Да и признание стало ложным.

Горячий блин да с пыла, с жара
Куда вкусней, а вот холодный
Не нужен он и даже даром,
Конечно, если не голодный.

Так и стихи полны страстями
И тронут сердце, греют душу.
Как три десятка между нами,
Вполуха будешь молча слушать.

И хорошо, что ты не знала,
Что для тебя я сочинял
Могло что быть, что не бывало,
И слёзы горькие ронял.

Ах, боже! – ты не восклицала,
Читая ранних сочинений,
И мне упреков не досталось.
Как жаль! – скажу я тем ни менее.

Цветы теплиц

На диком поле травы,
А вовсе не сорняк,
В саду их жгут отравой
Везде, где есть очаг,
Выпалывают с корнем,
Ругают на чем свет,
Червей компостных кормят,
В саду им места нет.
А в поле эти травы
В душе родят восторг,
Зеленые муравы
Степей, лугов и гор.

Так и поэт любитель
Сорняк, плевелы сорта,
Мешает цвести элите,
Пьет соки у когорты.
Глупцы и графоманы,
Невежды, самоучки
Мешают неустанно
Известной светской кучке.
Залить бы это поле, —
Поэтов из народа, —
Асфальтом черным, что ли,
Чтоб не слышать их сроду.

Так говорит в Столице
Цвет общества особых,
Саморекламы лица
Самовлюбленной злобы.
Друг друга сладко хвалят
Бесстыдно льстивым тоном.

Цветы теплиц!.. Как жаль их,
Отнятые от корня, завянут по салонам...

Фальстарт

«Сынок, приехал!.. Ну-ну, входи, входи.
Ты не один? И что, так и входите оба» —
Меня слегка обняв, уходит стол рядить,
Щи, чуть хлебнув, не скисли ли? на пробу.

Бросаю сумки враз, и в комнату: скучаю!..
Всё так же здесь, назад, как год оставил,
Картинка на стене: над морем хлопья чаек,
Василий Теркин в гипсе и вишенка в оправе.

«Поди сюда, сынок, знакомиться с невестой,
Чего оставил девку со мною для смущенья,
Садитесь под окошко, твоё здесь было место,
А я пока поставлю на стол вам угощенье»

«Володя, мне с дороги в другое бы одеться» —
И в комнате исчезла, задернув плотно шторы.
Душа поёт отрадно, с волнением бьётся сердце,
Ищу в глазах у мамы поддержки, приговора.

Галина в мини-юбке, в помаде яркой губы,

На стул к столу садится и ноги в перекрест,
Закуривает сразу, не вызов ли? Как грубо!..
И огонек у мамы в глазах любви исчез...

Улыбка через силу: «За встречу выпьем, дети,
Вам счастья пожелаю, детей и долгих лет!..» —
Три года как минуло, слова я помню эти,
А на душе глубокий не зарастает след...

А счастье, может, было, и сын родился: Саша.
Мог быть пролог получше, но хуже эпилог:
Бог души свел, похоже, разрушить судьбы наши,
Старт дал любви, надежде, а позже не помог...

Судьба река

Смотрю на собственную жизнь,
Как ручеек рожден вначале,
Мне память скажет, оглянись,
Ручей рекой умчался в дали.

Из лона матери родник
Пробил наверх себе дорогу,
Пока он слаб, к камням приник,
И креп и рос там понемногу.

Его питали дождь и снег,
А солнце летом иссушала,
Но всё же он продолжил бег,
Мечта о море побуждала.

Встречались малые заторы —
Сухие ветки, листьев горсть,
Сквозь них просачивался споро;
Стоять в низинах довелось.

Ручей разросся скоро в речку,
Что в гальке голос подает,
И в затишках камыш как свечки,
Всё шире русло, больше вод.

Однажды встретилась другая
Река, так близко за горой,
Успел он крикнуть: Дорогая!
Сливайся водами со мной.

Она шумнула водопадом,

И убежала прочь одна:
С тобою встречей очень рада —
В порогах крикнула она.

А речка сделалась рекою,
Легко катает валуны,
Всё рвется к морю, беспокоясь,
И воды будто бы пьяны.

Река сама и не припомнит,
Как влилась девица-река,
И глубже, шире стало в доме,
И ниже берегом бока.

От русла общего в равнине
Отлился маленький ручей,
И сам себе бежит отныне,
Как будто он совсем ничей.

Путь загораживают горы,
С налета бьет река в скалу,
Два рукава находит скоро,
Нарвались воды на пилу.

И горы скалами разбили
Реку единую на две,
Одну в долину пропустили,
В ущелье течь другой, на дне.

Судьба не речка, но похожа,
На карте если прочертить,
Понять ли жизнь она поможет,
Судьбы увидеть в целом нить.

Ревность

Я прошу тебя, если ты сразу
Скажешь мне: Я люблю, дорогая!
Мне признание такое важно,
Буду знать, на уме не другая.

Только я. Не молчи, я обижусь.
Три словечка всего-то, о боже!..
Не могу принуждение выжать,
В горле ком, как колючий ежик.

Не сумел, чепуху предлагая,

Мол, жена, провожу до постели,
Ты пьяна чересчур, дорогая,
Мой язык несурзное мелет...

Ночь запомнилась, эти кошмары
Будут сниться укором немым,
Кто не ведал ревнивую ярость,
Ни на миг не поверил бы им!..

Так любить могут женщины!..
Так любить и мужчины могли.
Ночь из прошлого – наша трещина,
Боже правый, любви помоги!..

Подсолнух и лодка

Юрка Юрченко мне одногодок,
Может старше всего на полгода,
Из семьи белорусов, из местных,
Как попал в этот край, не известно,

Переехали сами ли предки
Новострой возводить пятилетки,
Или сосланы, кто его знает,
Жили разные нации в крае:

Немцы, чехи, конечно евреи.
Ничего против них не имею.
С Юркой мы до того не дружили,
Хоть и рядом по улице жили,

Но в тот год почему-то сошлось:
С ним «хорька» загонять зашибись,
Он уверенный, смелый и дерзкий;
Знал и речку, и степь, перелески.

Как-то лодку нашли на протоке,
Вся в песке и корягах, в осоке,
После паводка, видно, прибило,
Течь в борту, ну а в целом не сгнила.

Лето плавали в тайне рыбачить,
Изменила под осень удача:
Лодку кто-то у нас умыкнул.
Был улус ли хакасский, аул

В двух верстах по течению выше,

Мы не раз с лодки видели крыши
Примитивных хакасских строений,
Молодежной вражды настроенья

Каждый раз без причин возникали.
Мы нашли, а хакасы украли
Лодку нашу, не нашу конечно,
Ну и ладно, решили беспечно.

В огородах подсолнухи зреют,
Нужно срезать в ночи поскорее,
До того, как хозяева срежут.
С Юркой ходим на речку всё реже,

А под вечер в чужой огород,
Перепрыгнув с разбега заплот.
Ни собаки, ни страх, ни крапива
Не удержат шального порыва.

Дружба наша сошла к сентябрю,
С Юркой Юрченко, я говорю,
Мы сошлись, может быть, и случайно,
Он мне нравился дерзкий, отчаянный,

Пусть жил рядом и мой одноклассник,
А дружили мы с ним лишь полгода.
Вскоре жизнь развела навсегда,
Харьковать, помню, Вовка, айда!

Юрка Юрченко, где ты теперь?..
Сколько будет подобных потерь.

Опасные игры

Бомбу сделать легче простого:
Карбиду в бутылку насыпать горсть,
Воды из лужи, затычку – готово!
Все в рассыпную – гранату брось!

Стройка рядом, карбиду навалом,
Бутылку пустую, найдешь всегда.
Была у нас в детстве такая забава,
Да, много она приносила вреда.

Храбрится пацан, не бросает сразу,
Бомба в руках – бах!.. и осколки
Вонзятся в живот, по рукам и по глазу...

Ругай не ругай пацанов, всё без толку.

Или порох в бумагу, поверх изолентой,
Спичек накрошишь и чирк коробком!..
Игры такие – опасные эксперименты,
Часто к травмам приводили потом.

Вот пугач, например, это трубка медная,
Сплюснуть конец молотком и согнуть.
Штучка опасная и очень вредная,
А пацанам развлечение девчонок пугнуть.

В то время такие забавы и игры детские
Считались за доблесть среди пацанов...
Забытые напрочь те годы советские,
И клич пионеров: «Всегда будь готов!».

Не черновик

Не черновик – ничто не перепишешь.
Других легко могу я обмануть,
Как совести скажу: Заткнись, или потише,
Я буду хвастаться, выпячивая грудь.

А сам я знаю, хвастаться-то нечем,
Из пустяка такое сочиню!..
Нос задеру, расправлю гордо плечи,
Кто угадает жизни истину мою?!

Не черновик, не вычеркнешь ни слова,
Ни эпизода – всё там твердый факт.
Я набело переписал судьбу бы снова,
И Богу предоставил бы законный акт.

Себе солгать никто не запретит,
Но ложь, она и есть всегда лишь липа.
Не перед Богом, пред собою стыд,
Себе солгу, и Бог поверит, типа...

Уж лучше пусть останется, как есть.
Ошибки – что? Уроки, поиски пути.
Я сохраню и голос совести, и честь,
И лишний раз скажу кому-нибудь: Прости!..

Искать поддержку

Искал наивно в женщине поддержку,
Поможет, мол, надеялся, спасёт,
А как судьбу связал я с нею в спешке,
Не друга, недруга нашел, наоборот.

Что прежде на себя бы надо опереться,
Тогда и женщина смогла бы устоять,
Не думал, что от бед своих не деться
И с женщиной – сестра, жена ли, мать.

Родство ли душ, души ли дополнение,
Наивно полагал в любви найти отраду,
Что отношения зависят лишь от денег,
Закон такой, любовь искать не надо.

Как молодые чувства чистые пока что,
Корысть, расчет в них только сорняки,
Будь со своей, не лезь в чужую касту,
Себя подстраивать к супруге не с руки.

Взамен поддержки женщине уступки,
Когда ни в чем она не хочет уступать,
И на уме одни лишь туфельки и юбки,
Поймешь, ошибся ты, за что её пенять?

Зов

Тютелька в тютельку сорок годов
День ото дня на таинственный зов
Шел, спотыкаясь, пытаюсь свернуть
На подходящий казалось мне путь,

Один перекресток, другой поворот,
Не зная, дорожка куда приведет,
Где зов, как устрою себе передышку,
Тотчас магнитом усилится слишком,

Неволит стремиться незнамо куда,
И дней бесконечных плывет череда,
Годы столбом верстовым подытожит,
Сколько минул я путей и дорожек,

Сколько утрат, достижений бывало,

Сколько до цели протопать осталось.
Нельзя одного лишь: назад повернуть,
В былое, скругляя извилистый путь.

Тютелька в тютельку день ото дня
Зов мягкой силы торопит меня,
Делай ты то, иль другое, не скажет,
Голос его не понятен мне даже,

Сам догадайся, мол, я лишь намек,
Надо успеть тебе выполнить в срок,
То, от чего ты приходишь в восторг,
По воле решай, не устраивай торг.

Сам устремлен, или зов мне помог
Не заблудиться среди всех дорог,
Выдумал зов путеводный себе,
Чтобы не плакать потом по судьбе?

Уступка

Я уступил твоим слезам,
Но не тебя тогда жалея,
Душой, не знал, что огрубею,
Что не любовь тебе отдам,
А долг. Пороки воспитания
Не спрячешь, совесть притупить
Словами можно, их твердить,
Прощай сказать, не до свиданья.

Я уступил твоим коленям,
Трусливо гордый над тобой,
И дрогнет сердцем тут любой,
Согреет холод отдаленья,
Но принужденья чувство зрело,
Сосало душу в глубине,
Быть подлым хочется ли мне?
Я сделал так, как ты хотела.

Я уступил, не уступая,
И обманул тебя надеждой,
Броня протеста под одеждой:
Я не люблю!.. А ты слепая...
И страх остаться одинокой,
Любить, сгорая униженьем,
Ловила каждое движение,
Не отпускать меня далеко.

Я уступил и был наказан
За слёзы, страх и нелюбовь,
Врагом тебе уже свекровь,
И подло бьёшь колючей фразой.
Скрипеть зубами бесполезно,
Я стервенею с каждым днем,
Её любовь палит огнем,
Мост ненадежный, снизу бездна.
От сжатия смесь внезапно может
Всё к черту в клочья разорвать!..
Мне надоело уступать...
Что натворил, прости мне боже!..

Она испуганно поспешно
Без слёз сказала твердо: Вон!..
Я, оказалось, был влюблен.
И уступал любя, конечно...

У могилы

Галина, доча, сядь со мною рядом,
Поговорим... винить себя не надо...
Твои вон дочки разные.... Одна,
И нынче с мужем пьяная она.

Твоё плохое взяла по наследству:
Не молоком её поила с детства,
Когда валялась пьяная опять...
«Не тереби мне душу, мать!..»

Прости мне доча, вылетело слово.
Держали с Ванькой вы тогда корову,
И порося в сарае завелись...
«Да, мама, вот такая штука жизнь!..

Что не жилось с Иваном мне, дурная.
Когда спилась, сама не понимаю.
И баню, он построил, и сарай.
Тайга и горы рядом, просто рай!..»

Твоё хорошее взяла в наследство Анна,
С утра до вечера хлопочет неустанно.
И Алексей под стать её, такой же...
В Пospelова-отца пошел Сережа.

Уж сколько довелось с ним повозиться!

Он первый внук... Приспичило жениться
На той, что хуже всех средь девчат.
Как вечер – пьют, и до обеда спят...

Ах, доча, нынче что-то я ворчлива.
Вот мы с тобой в земле, они пока что живы,
И слава богу, пусть себе живут!
Сам Бог и совесть сотворяет суд.

«Ах, мама! Внучка, Галочка моя!..
Её не нянчила, не баловала я...
Она ведь после, помнишь, народилась...»
Невестка Люся как-то приходила

Убрать могилки... о Гале говорила.
Живет она в чужой семье, но славной.
К ней Аня ездила узнать, что как, недавно,
И говорит, что всё у неё в порядке.

Жизнь на земле трудна, но и в земле не сладко.
«Мам, я прошу, прости меня, родная!..
Ивана рядом нет, лежу в земле одна я»
Прощаю, дочка, и ты меня прости...
Поговорили вот, прилечь назад пойти...

И тишина наступит гробовая...
Мать с дочерью сидят вот так бывает
На лавочке, где две могилы рядом.
И я на эту лавочку присяду,

Послушаю, о чем они шептались,
Родная мама и сестренка Галя.

Ты прочтешь

Ты прочтешь, на что наткнешься,
Скажешь брр, какая гадость,
Мне стихов таких не надо,
Мне лиричней бы и проще,
Чтоб душа слезой умылась
От красот осенней рощи,
Где прогуливались с милой.

Ты прочтешь и скажешь: лучше
Я раскрыл бы эту тему,
Здесь же фразы будто немые,
Автор сваливает в кучу,

Что на ум ему приходит,
Не пробьется яркий лучик,
Не стихи – на них пародия.

Ты прочтешь наполовину
Беглым взглядом, мимоходом:
Толку что копать породу,
Там на дне одна лишь тина,
Самородок где, алмаз?..
В монологах скучных длинных
Непонятных масса фраз.

Ты прочтешь и улыбнешься:
Как наивно, как неловко!..
Рифмовал без подготовки,
Мысли высказал бы проще
В страсти чувств проникновенно
О красотах голой рощи,
А пока стихи, что пена.

Старый дом

Сорок лет – одно мгновенье
Небесам, а нам – судьба.
Встречи радости томленья,
Память прошлого раба.

Подхожу, гадаю, где же
Дом и двор, подъезд, этаж.
Узнаваньем скорым брежу,
Возбуждаю эпатаж.

Что я вижу? Двор гадюшник,
Дом облезлый и чужой...
В детство мне вернуться нужно,
Не могу попасть домой.

Здесь вот маму с папой вижу,
Здесь играл я малышом...
Подхожу всё ближе, ближе,
Тот, не тот ли этот дом?

Из окна виднелись, помню,
Парк, дорога, пустыри.
Может быть не в этом доме?
Здесь! Уверен. Не дури.

Вкруг да около слоняюсь,
По ступеням вверх к дверям,
На забывчивость пеняя,
Озарит, быть может, там?

Наша дверь была направо,
Или прямо? Прямо – да!
Справа жила тетя Клава,
К ней ходил я иногда.

У неё был телевизор,
Иль на первом этаже?..
Дверь поуже и пониже,
Я запутался уже...

Ничего! Мальчишка малый,
Пятый год плюс сорок лет.
Глаз слезою щиплет жалость,
Дым ли щиплет сигарет...

Уходить пора. Довольно!
Медлю, медлю, но зачем?
От тоски ведь сердцу больно,
Я нашел тут только тлен...

Психологический портрет

Э, ты такой же мелочный и склочный,
Хорошим быть стараешься нарочно,
Чтоб скрыть характера дурные недостатки,
Обманывать себя, что все в порядке;

Беспомощность в одеждах превосходства,
В достоинство нарядится уродство.
Какой типаж! Ах, личностная сила,
Когда б она в душе не раздвоилась.

Что в дефиците в ней, то ярко напоказ,
А всё постыдное убрать подальше с глаз.
Вот человек с хорошим воспитаньем!
Он мстить обидчику в открытую не станет,

Но месть свою готовит досконально,
И нанесет удар не криминальный,
Психологически рассчитанный в деталях,
И тайно, анонимно и... так далее.

И я такой же мелочный и склочный,
С себя портрет скопировал нарочно,
Признаться в этом так невыносимо,
Уж лучше флёр хорошенького дыма.

Неловкости других не замечать,
Как раз за это следует прощать,
Они к тебе проявят снисхождение,
На них похож ты станешь поведением.

Пищей духовной

Пусть скудный завтрак, и копейки
Бренчат в кармане лишь на хлеб,
В читальный зал бы поскорей-ка,
Весь день читать романы мне б.

Один я в городе, забытый,
Мой капитан сбежал, поди,
Среди своих в казарме, сытый,
Вина и стыд не берedit.

И слово прапорщик не скажет,
Не спросит: Как живешь, пацан?
Что воровство, не видит даже —
Отсыплю ль сахара в стакан,

Иль стырю хлеба с голодухи,
Стащу котлету иль батон;
Днем умирающей старухе
Помочь хоть чем, не просит он.

Я для него не существую,
Хотя сосед – не приведенье,
Не видит он, как я бедую,
Уехать к матери нет денег.

Чужой я им, и это верно,
Не пропаду, пусть я один,
Зато читаю я Жюль Верна,
И увлекает сказкой Грин.

Поддался как на уговоры,
Себе ответить не сумею,
Хоть возражал, собрался скоро
На юг, на море, он затеял

Меня в ту зиму соблазнить.
Пацан, семнадцать, как ребенок,
Чего теперь уж говорить,
Что капитан, видать, подонок!

Но все же море повидал,
Пицунду, Гагры, Сочи, Рицу,
И речки, озеро меж скал...
Сам виноват, как говорится.

Уж после стал ему я в тягость,
Как деньги кончились, и отпуск,
Не знал, что делать он, бродяга,
Кто я ему – не брат, не отпрыск.

И смылся в раз в командировку,
А я бедую в комнатухе,
Спрошу себя: Что делать, Вовка?
Без денег вор и побирушка.

Спасет ли Лондон, Твен и Купер,
Когда урчит живот пустой,
А у соседа мясо в супе,
Меня же кормит дух святой!..

Друг закадычный

Горькая водка горька при глотании,
А в тело проникнув, охватит истомой;
Счастливый пить горькую в горечи станет,
И счастье бедой обернется огромной.

Фальшивая радость не в радость другому,
Он предал себя: хуже есть ли измена?!
Смеётся и плачет душою изломанной,
Как в грязной воде шипит серая пена.

Открытый, пробитый, лишенный защиты,
Игрушкой в руках он бесчестного беса,
Наутро страданья с похмелья: квиты!..
Себя изучал я, следил с интересом,

Как корчится разум в горячей отраве,
Как мысли в кисельном желе тормозят,
Как низменный эрос инстинктами правит,
И море мне лужей, и дьявол мне брат.

Так горькая водка не к месту и к месту,
Помочь добросовестно вряд ли готова,
И друг закадычный, и на ночь невеста,
Зарекался, нарушил, дал верное слово...

Я выбрал

Я выбрал в жены женщину такую,
(По идеальной кто же не тоскует?!)
Душа чтобы подпитывалась болью,
Чтобы страданию обильному раздолье,
Чтобы меня не понимала, не прощала,
Чтобы не раз душевная усталость
Волной тяжелою душила и терзала,
Чтобы иллюзии и следа не осталось.

Я выбрал в жены именно такую,
О ней душа таинственно тоскует,
Бежит же разум прочь в уединенье,
Где мыслям не свобода, а плененье,
Чтоб излагать все чувства на бумаге,
И ссоры, недомолвки, передраги
Всё в рифму слов пытаюсь заключить.
Какую выбрал в жены, с той и жить
Хочу и не хочу одновременно,
К свободе рвусь, а не сбегу из плена.

Псевдосила

Кориолисова сила сносит набок от прямой,
От вращения земного не дойдешь никак домой,
От вращения мыслей тоже возникает кривизна
И во взглядах, и желаньях, будто пьяный от вина,
Так вокруг души плетутся нитей тонкие жгуты,
Чтобы заново родиться, вяжешь словно кокон ты,
Но не бабочка созреет – обезноженный червяк,
Можешь гнуться и вертеться, на подобии стилиг.
Кориолисова сила – псевдосила в вычислениях,
Я серьёзными словами пошутил в стихотворенье.

Проверка

На десять человек палатка, и буржуйка

В приемке, из крошки угольной брикеты
Горят не жарко, дым угарный струйкой
В щелях; мы без сапог, но спим одетые
На деревянных нарах плотно бок о бок;
Я позже всех на час вздремнуть прилег.

Днем от разноса строгого начштаба
За нарушенья дисциплины, было тошно,
Коль не на службе, сбег подальше я бы,
А так лишь поскулить тихонько можно,
В топопривязчике заперся до отбоя,
Чтоб тело утомить, а душу успокоить.

С утра мы ездили тестировать приборы
По взлетной полосе, оставшейся с войны,
Туда-сюда нам скучно ездить стало скоро:
Рванем в гаштет ближайший, пацаны!..
И вырулив на трассу, дали сразу газу,
А там начштаб, как ждал, в уазике, зараза.

Бойцы, ко мне!.. Не уж-то в самоволку?..
Кто разрешил?.. Комбат: приборы проверять...
За двадцать верст от лагеря?.. Что толку,
Не объяснишь, кричит он: в бога мать!..
Немедленно вернуться в часть обратно,
Комбату доложить!.. Сержант, понятно?!

Есть исполнять!.. При развороте резком,
С канистрами подвеску бросило под ноги
Начштабу прям, он выругался мерзко...
Что было с нами после, я умолчу, в итоге
Водитель получил и выговор, и дырку
В талоне, я – от замполита «стирку»...

Постоянный гость

Да, ты меня боишься не открыто,
И крест дубовый глубоко забитый
В заросший холм тобой не посещаем,
И я, как гость неожиданный, не страшаю,

Что право есть огонь в тебе умерить,
И за душой захлопнуть плотно двери,
И с тело чувств навечно разлучить.
Вот ножницы обрезать эту нить,

Тебя, в моих руках обязаны пугать,

И слёзы не прольет жена и мать —
Я заберу их раньше, обещаю,
Они тебя живыми повстречают

В твоём воображенье за мгновенье,
Как разум твой угаснет и заснет,
И мой невыносимый страха гнёт
Тебя не сможет больше напугать

До той поры, как дух войдет опять
В земную плоть со мною заодно,
И ты с небес опустишься на дно
Да в самый страх и глубже и плотней,

В любовь и ненависть мерцающих огней.
Рукой на ощупь я холодный воздух,
Я как за шиворот налить внезапно воду,
Я в храбрость страх возросший до предела,

Я то, что есть отчаянная смелость,
Я тень от Бога, шаг его тяжелый,
Я от луча небесного осколок —
Погасший острый, — я твоё спасенье,
Душе усталой, духу воскресенье!..

Помощь району

Пальто – на два размера,
А валенки – на три.
Зовут меня примерить,
Чтоб радость подарить.

Директор восседает
И тётя из Районо,
Сгораю от стыда я,
И в горле стал комок.

«Примерь, сыночек, пару,
И пальтецо примерь» —
И вдруг я стал так жалок,
Разверзнься снизу твердь!

Как Филиппок Толстого,
Как лилипут одно, —
«Носи ты на здоровья,
Благодари Районо»

Спасибо – как из гроба, —
Мне можно на урок?
Кивает мне особа,
Как твари сверху Бог.

И в класс тащусь с поклажей,
Смешки и шум волной,
Как будто я с проказой,
Несчастный и больной.

Четыре раз по десять —
Я помню, как сейчас,
«Подарок» тонну весил,
Когда входил я в класс.

Поговорили

О чем ты, право, не пойму,
Подробности затерлись...
Надолго время не займу,
С тобой играя в керлинг.

Кто камень ближе в цель катнет,
Шлифуя словом фразы,
Кто аргумент такой найдет,
Чтоб ясно стало сразу...

Трясти мне грязное бельё
Противно и позорно...
Дослушай фразу, ё-моё,
Хотя бы и притворно.

Признать ошибки и простить,
И попросить прощенье...
Я оборвала с прошлым нить,
К чему нравоученье?..

Отставший

Мне в настоящее казалось не войти,
Все, с кем я знался, сроду были там,
Себе несмелому мне надо бы простить,
Что молод, отстою душой не по летам.

А сблизиться стена незримо не даёт,

Реальный мир им близок – мне далёк,
Отстав, я уступать готовлюсь наперед,
Судьба у них, а мне от Бога – рок.

Каких бы я речей высоких ни изрёк,
Они и впредь покажутся пустяшны,
Мне стыд, им добродетелен порок,
Им запросто, мне быть собою страшно.

Войти мне в жизнь как в поезд на ходу,
Что обречен опаздывать повсюду,
Родиться смог, не смог принять среду,
Прощая всех, а грех свой не позабуду.

И даже с кем физическая близость
От страсти плоти кажется порочной,
Ожжет упрек, их шутка ли каприза,
Им невдомек, что суд терплю заочный.

Не в мире, а во мне незримые разрывы,
Удастся ли собрать в единое потом?..
Расти набухнут почки, истекут нарывом,
Мне мнимый дан, им настоящий дом.

Так мрачно, солоно, а нужно было выжить,
Снять с глаз туман, отмыть слезами копоть,
Стать к настоящему, как к будущему ближе,
Пошагово рывком, мучительно ли скопом.

А мир вокруг веселый, восхищенный,
Беспечно красочный, торопится любить,
Среди парней один среди девчонок,
Себе я сеть плету, петель сплетаю нить.

Раскройся, будь, я слышу слабый голос,
Чужой ты им, уйди, другой гремит, пугая,
И жажда жить и отторжения боли холод,
Над пропастью канат, судьбы петля тугая.

Ночная гостья

Вахтеру скучно напролет
Всю ночь глядеть в окошко.
Попьет, поест, опять курнет,
Пройдется он немножко.

В три ночи сон невоготу,

Хоть лбом о стенку бейся.
Собака гавкнет просто так,
Её «гав-гав» лишь бесит.

Берданку взбросив на плечо,
Вахтер идет наружу...
И кто-то там: а ну, постой,
Стрельну я, как не сдюжу!..

Из тени вышел силуэт,
В шагах пяти он замер.
Военный, слышишь, тут объект,
Нельзя, – машет он руками.

Я заблудилась, не пойму,
Где нахожусь, простите...
Ну чудеса, ворчит вахтер,
Девушка – вот открытие!..

Студгородок, скажу я вам,
Объект: учебной корпус.
Идите прямо вон туда,
Куда не нужен пропуск.

Остаться можно до утра?..
Не ходит транспорт ночью.
Кроме того, что есть на мне,
Я дам тебе, что хочешь...

Ну, ты... Да ладно, здесь ложись,
В седьмом часу побудка,
А то застукают с тобой,
Мне будет не до шутки.

На голове копна волос,
Боса, и в платье наизнанку.
С небес как будто бы сошла,
Из ночи – иностранка...

И на посту стоит вахтер,
То есть, он нервно курит.
Нарушив правила он все,
Помог он этой дуре...

Рассвет. Пора и разбудить
Соблазн-деву ночи...
Она сама уж на крыльце,
К нему спустится хочет.

Ой, вдруг воскликнула она,
Я голая под платьем!..
Найдется что-нибудь обусть,
И шесть копеек, кстати?..

Ай ну красавица, пошли
Чай пить со мной пока что.
Найду чего-нибудь одеть,
И мелочь, после – баста!

А не побрезговал бы мной,
С лихвой бы расплатилась, —
С усмешкой подняла глаза, —
Ты парень добрый, милый.

Ночная гостя, поспешай,
К восьми приходит смена.
В другую ночь не забреди,
Взыщу долг непременно.

Забудусь в духе

Забуду всё, конечно я забуду
Подробности и память, и язык.
Сам дух в душе особенное чудо,
Привязываться к телу не привык.

В него он воплощается учиться,
И выйдет из него без сожаленья.
Кто разумом исчезнуть не боится,
Поверит в духе жизни продолженье.

Сознание пусть телесное исчезнет,
А часть его в духовном отразится,
Не пропадет оно и в самой бездне,
Вернется в тело заново учиться.

Миллионы лет затянут в круговерти,
Туда-сюда дух скачет по телам.
Ему всё временно: жена и муж, и дети,
Без имени, лица, бесполой сам.

Другая физика, другое измеренье
В той области, где духи обитают,
Диполь ли, плазмы ли горенье,
И есть ли вообще, увы, не знаю.

Забуду всё земное в одночасье,
Как мозг затухнет без питания,
Не умирать не в нашей власти.
Прощай, а лучше до свиданья!

Дембельский крест

Для нас последний этот полигон,
Ну, что, ребята, будем ставить крест,
Пусть памятью о нас послужит он,
Кто из каких служить приехал мест,

Кто с Питера, Москвы, а кто с Урала,
А кто-то из Хакасии далекой.
Из рельса крест вмуруем, чтоб стоял он,
Как памятник в Германии, без срока.

Две перекладины с названием городов
Привинчены, приварены надежно,
Крест дембельский, товарищи, готов,
Теперь на память фото сделать можно.

Бросали в яму прямо в мокрый цемент
Монеты, пуговицы, в общем, кто, что мог,
И, может, в двадцать первом веке немец
Найдет следы солдат советских ног.

Отдельный грозный наш дивизион
Стоял в далеком прошлом в Виттенберге,
Найдет в архивах через годы, может, он,
ГСВГ, и кто служил, их слава не померкнет!

На службу крест поставили, ура!
Пусть прапорщик, его ломая, злится.
Ну, что, ребята, в лагерь нам пора,
Еще чуть-чуть и станем вольной птицей.

Бусинки чёток

Крутятся, вертятся мысли похожие,
В пальцах незримые бусинок чётки,
Счет бесконечный: сверяют, итожат,
С любого конца или даже с середины.

Но мало-помалу меняются формы:

Мысли в повторе шлифуются шаром,
Духу не служат питательным кормом,
Катаются бусинки пальцами даром.

О чем постоянно те мысли бормочут,
Всё крутятся, катятся бусинки чёток,
И днем не понять их, особенно ночью,
В мозгу там ведется, какие расчеты?

Прислушаюсь: тихо, задумаюсь: пусто,
Не стану неволить – слышны голоса,
Не мысли то вовсе, а некие чувства,
Они и тревожат совсем неспроста.

Их сколь на листе не окажется словом,
До сути до самой никак не добраться,
Так я к ним развил интерес нездоровый,
Что мозг мой работает нынче как рация.

И крутится-вертится ручка настройки,
Слева на права по разным частотам,
Но шумом эфир заполняется стойким,
Лишь бусинок стук различается чёток.

Суд божий

Но над тобой, увы, суда не будет,
Каким грозит при жизни церковь,
Страх божий выдумали люди,
Покинешь тело – разум меркнет.

Что сохранится? Память поля
Энергий духа тонких нитей,
Любовь, как неосознанная воля,
И устремление к развитию наитие.

Что суд небесный? Взмученные воды
Души, уравновеситься стремление...
Но ложный миф устойчив у народа,
Навязчива одна из точек зрения.

Суд совести – незримое мерило,
И тут, и там мы ею лишь казимы,
Не мудрецам дана от Бога сила,
А самосуд нас ждет неодолимый.

И только в том причина воплощений,

Ошибки рода и свои чтобы исправить.
Есть много замечательных учений,
Свободно выбирать из них мы вправе.

Душа подскажет, надо ей поверить,
Учиться жить по-глупому иль мудро.
Стучимся часто мы в незапертые двери,
Нет вечера для духа – только утро!

Склеить узлом

Никто и не думал бросать свои семьи,
Им для себя чуть пожить захотелось.
Что всплыл этот факт – недоуменье,
Но восхищает за дерзость и смелость.

Несколько встреч и на годы разлука,
Можно подумать, судьба так решила:
Их разлучить и приложить вновь руку,
Чтобы свести в счет крушения тыла.

Им вырезать лучшие годы жестоко,
Ленты начала с концовкой срастить,
Поставить былое в сей час недалеко?..
Не склеить, узлом лишь затянется нить.

Если на речке воздвигнуть запруду,
Иссякнет течение слева, а справа
Уж озеро берег затопит повсюду;
Прорвется преграда потоками лавы,

Смывая под корень, что есть на пути,
А нет, так болото затянется тиной...
Сказать бы им надо друг другу: Прости!
Девушке женщина, парню мужчина.

Поэт немного не в себе

Ум души язык трактует,
Рифма ли слова диктует,
Дух заказывает тему,
Или все крикливо немые?

А зачем, кому же надо,
Надрываться до упада,

И сложить дурацкий стих?
Сумасшедших взять двоих,

То есть гениев свихнувших,
Сложат стих они-то лучше!
Не пытайся, друг, понять,
Нужно стих душой читать.

Ум всё логику там ищет,
В недочеты пальцем тычет:
Что за вздорный переход?
Облака – не пароход,

И трава не говорит,
Вода просто не горит!
Что за голос безголосый?
У тумана выются косы,

Право, просто ерунда!
Кто же видит мир таким?
Дым ведь – это просто дым,
Не сгоревшие частицы...

А романтик не боится
Фантазировать, и зрит
Не глазами – он пиит!
У него вода кипит

От лучей зари прощальной,
Дождь течет с небес хрустальный,
Безголосый голос громок,
От костра и дым истома,

И Любовь приходит Девой,
И туман закинет невод
Белым бархатом рассвета.
Ни к чему ругать поэта...

Обманщица надежда

Надежда нас обманывает ловко,
Болтается пред носом как морковка.
Тянусь рукой, чуть-чуть еще и хватъ
Пустое место!.. Дразница опять,

О чем мечтаю, тем оборотится.
С надеждой ждешь опять успеха,

А чуть шагнул, спорхнула птицей,
Иль лопнет как пузырь от смеха.

Надежда ловкая обманщица, я знаю,
Но как дурак, я верю и мечтаю,
Ну, завтра, через месяц, через год
Удача все равно ж ко мне придет!..

И год, и два, и десять пролетело,
Она меня кидает то и дело,
Что я привык и, правда, к неудаче,
Не дам опять себя я одурачить!..

Успех пришел, похлопал по плечу.
Отстань, надежда, видеть не хочу!

Обезьяна и Панда

Противоположно полярное сходство,
Мы с тобою и впрямь инородцы,
Видно, Бог нас столкнул по капризу,
То ли выписал мне к тебе визу,

То ль тебя он заслал контрабандой.
Вот так цирк – обезьяна и панда
Тридцать лет в одной клетке, потеха!
Обезьяне совсем не до смеха,

Сколько можно скакать, суетиться,
Были б крылья, умчалась бы птицей —
Так мечтает и тщетно зверек.
Дверь открыта, скажни за порог.

Страшно очень, незримые цепи
Держат. Нет ситуаций нелепей,
В клетке вместе медведь с обезьяной!
Одному бы бамбук, а другому бананы,

А приносят на завтрак им веток охапку,
Голодает один, другой кушает сладко.
Я зверинец такой описал символично,
Двух людей лишь характер и личность.

Дополняют друг друга, скажи, антиподы,
Притираясь, царапая души, за годы?..
Темперамент и взгляды – не пара сапог,
Не случайно, я думаю, сводит их Бог.

Нежданное признание

Наш двоечник по русскому
Поэт, коль верить интернету.
Не допускали мысль об этом
Даже друзья из круга узкого.

Метаморфоза, да, но как поверить
В преображение гадкого утенка?..
Монету наверняка имеет звонкую
Наш рифмоплет, по крайней мере.

Одни в тот час отгородились,
Мол, тьма проблем, не до поэзии,
Пусть со стихами к нам не лезет.
Другие просто отшутились...

Но больше тех, кто равнодушно
Отнесся, мол, а что такого,
Знакомец балуется словом,
И отмолчались как-то дружно.

Из одноклассников одна,
Признав бесспорно в нем поэта,
Без лести, искренне при этом,
Горжусь тобой, твердит она.

Куда пойти

По виду, будто не обида —
Покой души уединенья,
Само ли выросло гибридом
На перегное дней растение.

Куда пойти неспешным шагом,
Где притомились ожиданьем
Услышать пошленькую сагу
Да не о чем твоих страданий?

Не наострят в тот час же уши,
В своих бы бедах разобраться,
Под водку буду молча слушать
Сестру, племянника или братца.

На час для гостя уваженье
Найдется (я ли не такой?),
Кота пнут после с раздраженьем,
Мол, не крутись ты под ногой.

По виду, будто не обида —
Оживший пьяный потолок
Обрушат вниз кариатиды,
Иль сам окажешься у ног.

Родной язык повествованья
Для двух рассказчиков чужой,
И отторгая с гноем ткани,
Притихнут, прячась за межой.

У кровных родственников хуже —
Совместных лет горячий пепел
Обида выдохнет наружу,
Задушит злобой и ослепит.

Куда пойти неверным шагом,
Ему ли стоит доверять,
Найдет он точно передрягу,
А ты невольно ищешь мать.

И с каждым шагом молодея,
Ты к ней ребенком подойдешь,
Уединенье благо с нею,
Ты для неё любой хорошо.

А вот фиг вам!

Чем больше жизнь меня колотит,
Тем на душе моей светлей,
Пусть больше недугов у плоти,
Тем и страдания милей!..

И оглянуться не успел я – старик!
А где же молодость? Пропала!
Не загрустил, в тот час и не поник,
Лет впереди еще немало!..

Налью я водки полстакана,
И хряпну!.. Вашему здоровью!..
Сегодня хочется мне пьяным...
А смерть с рожденья наготове.

И коли жизнь меня колотит,
Так, значит, любит, помогает,
В мечтах, хочу что, мне воротит,
Я мудрость болью постигаю!..

Друзья!.., которые забыли,
И те, возможные друзья,
И те, что мне и не простили,
За вас!.. Иначе жить нельзя.

Путь будет хуже мне, привычно!
Я улыбнусь, не вытру слёзы,
Скажу: Нормально, всё отлично!
А остальное просто проза...

Тепло встречи

Пусть в этот вечер
Рядом хоть минутку
Мы помолчим
За дымом сигарет,
Я накоплю тепло
Домашнего уюта
На час, на год,
На много лет.

И также молча
Будем расставаться,
Рукой махну:
До встречи и – пока!
Пока я сам живу,
Ты для меня живая,
Приеду вновь
К тебе издалека.

Бурьяном пусть
Могилы зарастают,
И пепел лет
Сравнивает их с землей,
Как пищей тело,
Я теплом питаюсь
Тех редких встреч,
Чтоб обрести покой.

Проблема Третьей планеты

Да, есть в Галактике светило
В одной из веток на окраине,
В планете третьей поселилось
Людское племя – ужас, тайна.

С собой века они враждуют,
Что океаны – кровь и слёзы,
Учить их в мире жить впустую,
Они Вселенной всей угроза.

В дитя внедрили мы когда-то
Высокий Дух с условным кодом
«Иисус Христос», он был распятый
За поученье тем народам.

Не проще ль выжечь ту коросту
Лучом божественного гнева,
Иль затопить водою просто,
Родит существ получше Ева.

Люцифер, вечно радикально
Готов решать ты все задачи,
Земля – планета уникальна,
Поступим с нею мы иначе.

В геном внедрим мы код особый,
Чтоб люди вымерли за век,
На землю вышлем биоробот —
Нам подконтрольный человек.

Ученый Дух, так не годится,
Уверен, Бог нас не поймет.
В руках удерживать синицу,
Иль журавля следить полет,

Что лучше? Именно свобода!
А человек лишь ею дышит,
Пусть эгоист, капризный, шкода,
Разрешено законом свыше.

Людей не раз мы изводили
Огнем, болезнями, водой,
И за грехи не раз простили,
Им вреден только лишь покой.

В Саду Адам лентяй беспечный,
Душа его там без движенья,
Хоть божья тварь, дурак навечно
Без боли, страсти, без лишений.

Так что же делать? Пусть воюют?
Пусть угрожают мир разрушить?
Попытку, дай мне, Бог, вторую,
Спущусь я к ним, спасу их души!

Портрет

Себя пишу в натуре
Внимательно в прищуре.
Зеркально отраженный,
С руки он правой курит,
Пуская дым клубящий.
Я сходству пораженный,
Он я – где настоящий?..

Фантом мой неизменен:
Менялось отношение
К нему моё стократно.
Свет проявляет тени,
Но образ сам и прячет.
Кому-то он приятный,
Другой его не ценит.

Со стороны взглядеться,
Что наполняет сердце.
Душой воображение
Рисует по соседству
Безликий некий образ
Порока прегрешенья,
Неопытности пробу.

Найдется оправданье
Распутному свиданью.
А правда, ложь по сути,
Зря говорить не станет.
Пусть тяжело молчанье,
В начале душу мутит,
Забыть поможет память.

Ни черточки в портрете
«Я» сходства не заметит.
Хоть напиши дословно,

Испортишь только этим.
Мазки неясной краски
Легли в краях неровно,
Но радужные в свете.

Зима внезапно

Зима пришла внезапно
Под самый Новый год,
Ей надо б поэтапно,
Она – наоборот.

Не видели мы снега
Всю осень, в ноябре,
Уж сутки сыпет с неба,
Сугробы – на тебе!

Зима пришла неожиданно,
Где шлялась до сих пор?
Небес разверзлась манна,
Завален снегом двор.

А воздух – что за прелесть!
Не дышится, а пьется,
И запахи апреля,
Душой любовь поётся.

А снег, как пух перины,
Засыпал целый свет,
Покрыв собой машины,
Дороги больше нет!

Мне радостно под снегом,
Я сам как снеговик,
Чуть выше крыши небо,
Зимы пушистый лик!

В другой раз

Хотел бы в новом воплощенье
С тобою встретиться? Не знаю.
Чтоб пережить опять мученья?
Пусть дух неспешно выбирает.

Прийти на свет зачем-то нужно,

Слепой ли случай в том причина,
Готов ли быть я лучшим мужем,
Тебе ль единственный мужчина.

Вина грызет нутро сомнением,
В твою судьбу вошел случайно,
Стихи предложил вместо денег,
Со мной не радость, а печально.

Не стоит снова нам встречаться,
Не в этой жизни – в жизни новой,
Чтоб дух мой мог бы разобраться,
Влюбиться в женщину готовый.

Простить прошу меня до гроба,
Не оправдал, мол, ожиданий,
Бог свел, похоже, нас на пробу,
Прощай, скажу, но до свиданья!

Хороший тон

Я не пойму, твой дружеский ли тон
Понравиться желаньем продиктован,
Иль выраженья чувства искренности он,
И придает пикантность сдержанному слову.

Да, если б фальшью душу царапнуло,
В ней буря разыгралась бы протеста,
И от обиды злой в тисках сомкнуло б скулы,
Твоей душе в моей не оказалось б места.

Мне над собою суд держать привычно,
Но я судить других по совести не в праве,
Иль интересна мне, иль неприятна личность,
Сближаться с ней, иль в стороне оставить,

Решаю не спеша без злобы осужденья,
Так одиночества уют меня не тяготит:
Душа и дух со мной, безлюдье не заденет —
Держу перед собой любви незримой щит.

Пусть тон, окраска голоса приятны,
И я скажу банальность в унисон,
И настороженность становится понятной,
Когда кольнет неискренности тон.

Три портрета

Три портрета на стене:
Брат, сестра, а между ними
Чуть с усмешкою отец.
Имена живут во мне:
Юра, Галя и Владимир —
Трое замерших сердец,

В двадцать пять от рода брата,
Тридцать с хвостиком сестры
И отца в самом рассвете.
Судьбы их как бы распяты,
Несгоревшие костры
На стене портреты эти.

Мать, жена, одна, седая,
Слышит, будто говорят,
Как живые, голосами,
Ночью рамки покидая,
И за стол садятся в ряд,
И рассказывают сами.

И она им все расскажет,
Упрекает, ли журит:
Вы ушли, а я осталась,
У портретов я на страже,
Жду и плачу до зари,
Муж и дети: Юрик, Галя.

Три портрета пожелтели,
Только лица неизменно
Смотрят, молча со стены,
Будто души, в самом деле
Избежать не могут плена
Из-за косвенной вины.

Сначала

А где с тобой мы повстречались? —
Страшась, спросила, обознаться.
Не мудрено забыть, не двадцать,
А сорок лет почти промчались...
Ну что ж, тогда начну сначала...

В поселок к нам ты приезжала
С подругой на день, на два, может.
Встречины: местных полна зала,
Я приглашен на праздник тоже,
Среди других тебя приметил.

Припоминаешь дни ты эти?..
И взглядом томным поощряя:
Да-да, конечно... – верю зря я,
Что я волнуюсь, не заметишь,
И чуть обижен: Что потом?..

Всё ночь бродили мы вдвоем,
И целовались у калитки...
То есть, я сделал лишь попытку:
Пространств сужался окоём
До глаз и губ, стыдливо ждущих...

Не прозвучал вопрос бы лучше,
Где повстречались: он ожег,
Чтоб я обманываться мог,
Еще сто лет не мерк бы лучик.
Ну что ж, опять начну сначала...

Смотря как посмотреть

Смотря как посмотреть,
Иль приговором припечатать,
Мол, век, глупец, ты сжег впустую.
Иль похвалить, шутя: Растут внучата!
Я так и эдак протестую.

Смотря как посмотреть,
Какие ценности и цели
Хотел достичь, и что достиг,
Удовлетворен ли, в самом деле,
Душой ты молод, иль старик.

Смотря как посмотреть,
Любовь, семья, жильё, достаток
На высоте, иль как-нибудь.
Что ты имеешь, то и свято,
Неважно, как проделал путь.

Смотря как посмотреть,
Жил тихо, мирно, незаметно,
И нет друзей, и нет врагов,

Ты холостой, больной, бездетный,
Иль донжуан ты будь здоров!

Смотря как посмотреть,
Ни дня на месте не сиделось,
Порхал по свету там и тут,
Так износил под старость тело,
С дивана встать великий труд.

Смотря как посмотреть,
Науки грыз, ума палата,
Доцент, профессор, академик,
Пусть на таланты ты богатый,
В столе трудов засохло семя.
Смотря как посмотреть.

Сито

Допустим, ты в неведение о бывших
Друзьях, приятелях, знакомых до сих пор,
В соцсети ты с компьютера не вышел,
Лишь мысленный ведется разговор.

Воображение неверную картинку
Тебе подсовывать берется от ума.
Бревно в глазу становится соринкой,
Почистишь как бывшего закрома.

С чего бы взяться этим рассуждениям,
Не хочется плохое вспоминать?..
Нелепости, и ссора в день рождения,
Всплывают недругов, забытых имена?

Успех знакомцев прежних неприятен,
Как сам ты в жизни мало что достиг?
И даже лучший школьный твой приятель,
Из соцсетей – чужой тебе старик...

Что связывало в прошлом, позабыто,
А в настоящем заново приходится дружить.
Так жизнь нас всех пропустит через сито,
Кем пренебречь, кем нужно дорожить.

Семнадцать лет

Вчера с последнего звонка
В волненьях впечатлений
Улыбкой грустной пригубил:
Свободный я – не пленник.
Семнадцать лет, о да, подрос.
Что впереди? – возник вопрос,
Мне будущее – тенью...

Семнадцать лет моих, привет!
В десятом «б» – семнадцать:
Девчонок пять, и пацаны —
Их дюжина, двенадцать...
Стоят, смеются на ступенях
Все аттестованные гении!..
Прощайте други-братцы...

Я так наивен и смешон,
Пред вами я мальчишка,
Не повзрослел ни чуть, увы,
А вы серьёзны слишком...
Во мне как будто старый дух,
К сентиментальности он глух,
Смял радости излишки.

Семнадцать лет несчетных бед,
Сберечь бы в неизменных,
И каждый раз лечить недуг
Призывом вас на сцену,
Душой прозорливо взглянуть
С крыльца начатый путь
В семнадцать откровенных.

Притча

Вот притча: старая душа,
Мудра, должна быть может,
Но ничего такого нет,
Но и спешить негоже.
Она пока что, может быть,
Пробить яйца скорлупку,
Не накопила столько сил,
Стара, что стала хрупкой,
А как пробьется, наконец,
И не птенцом, а птицей,
И тут же встанет на крыло,
Стрелой в небо взвиться.
Не проморгать бы этот миг:

С душой был, стал бездушный,
То есть я к тленному привык,
И без души мне скучно.
Но и держать её в плену,
Конечно, не годится,
Пусть полетает в небесах,
На то она и птица.
Вернется, если в том нужда,
Иль мне летать приспичит,
Тогда сольюсь я с ней навек.
Душа стара: вот притча!

Привратник

Входи, входи!.. Готов ли ты к беседе,
Скажу в тот час, как принесут досье.
По месту жительства хорошие соседи,
Они в тебе благожелательны – не все.

Ломаешь мозг над тайной мироздания,
Простых вещей умом не разберешь.
У всех рожденных равные задания:
Учиться жить, где истина, где ложь.

Ты вечный троечник, ни то, ни сё, середка,
А это значит, ты вполне уравновешен,
И не молчун, и не дерешь с трибуны глотку,
Коль не ругнуть, так не за что утешить.

Откроем дело: так, ребячество, стыдливость
Вполне усвоены, но взрослость слабовата,
На сколько бед, на столько и счастливый,
По достижениям собственным и статус.

Посмотрим, что в итоге: не готовый
К беседе ты, не выполнил задание,
Иди назад на землю: моё слово,
Но не прощай скажу я: до свиданья!..

Поработал

Да, поработал, боже правый,
Пером от глупости до лести.
Кусочки слепятся ли вместе
В дар поэтический ли в навык?

Молол что годы в ступе пестик?
Ответ ты ждешь: литература,
Та, что снесут в макулатуру.

Не я судья на первом месте,
А тот, кто в будущем прочтет,
Иль строгий критик, иль народ,
Без восхвалений, всякой лести,
Иль никому не нужный плод,
Созрев, падет гнилой под ноги,
Как прелый лист сгорит в итоге.

Роптать нет в целом оснований:
Душа трудилась добровольно,
Бесстыдно плакала, что больно:
Кто слабака жалеть-то станет,
Кто ищет тропочек окольных?..
Да, поработал, боже правый,
Себе, любимому, на славу...

Персик

С авоськами шли из магазина
Я, мама и маленький брат.
«Попробуй-ка персика, сына» —
Подарку такому он рад.

И мякоть на землю бросает,
А косточку хочет разгрызть.
Слеза на глаза набегает
У мамы: «Сыночек, вернись.

Что бросил на землю, то – кушать,
А косточку выплюнь, не ешь...».
Поднял, удивленный из лужи
То персик, румяный и свеж.

«Мы дома от грязи отмоем, —
Свернула бумажный кулек, —
Немалую денежку стоит...
На, яблочко, скушай, сынок».

Не знал пятилетний мальчишка,
Что в персике мякоть едят...
Да, редкие сладости слишком
В детстве мы видели, брат!..

Ночи плод

Ночь нудит высказать неясность,
Что словом сложится, кто знает,
И веришь, лишь бы не напрасно
Добуду мысль, нырнув, со дна я.

И вольным слогом слово ловишь,
А дальше рифма что подскажет,
Любовь опять созвучна с кровью,
Не в строчку смысла если даже.

Пропустишь там шероховатость,
Где дозволительно экспромту,
Не эхо, слов первичность свято,
Пусть будет так, не надо комкать.

И вместо точки в строчке запятая,
И многоточие таинственно прервет
Ход ложной мысли, ею напичкает
Воображение предтеч, наоборот.

Податливый ночному принуждёнью,
Сам автор и не автор – проводник,
С ним заодно и сущности, и тени,
И час и два промчится словно миг.

День ночи, безусловно, антипод,
Не потому ли он особенно критичен,
И наспех ночью, выращенный плод
При свете дня весьма несимпатичен.

На этой ноте

На этой ноте превосходной
Я перерезал нить с печалью:
Мы для чего с тобой встречались?
Ответ мне будет, как угодно.
Но нить повисла паутиной —
Теперь попробуй отодвинуть.

Её не срежешь ножницами,
Как ни пытайся, будет целой.
Твоя ли искренняя смелость,
Иль мной проваленный экзамен:

Мы где с тобой, скажи, встречались? —
Такой вопрос змеей ужалит.

А, ты не помнишь?.. На встречинах,
И дважды был я в Арадане...
Всплыла услужливая память:
Женатый дважды ты, мужчина.
Да, был женат по принуждению,
Расстались скоро, тем ни менее,

Женатый я уж тридцать лет.
А ты?.. Мы жили двадцать три.
И долго-долго говорит,
Каких извела с ним бед.
А можно б кратко: Развелись.
Мол, не сложилась наша жизнь,

И замолчать, поставить точку,
Вернуться к встрече долгожданной,
Мол, я тебя не помню, странно,
Но ты опять о муже, дочках,
Что отдыхать поедешь в Крым.
А я, чувствительно раним,

Вообразил другой сценарий,
Искал в речах особый тон,
Что в эту женщину влюблен,
Она любовь мне тоже дарит,
И вспомнит милых прошлых встреч,
Но не о том я слышу речь...

На этой ноте превосходной
Я перерезал нить со вздохом:
И без тебя, с тобой мне плохо.
Я ждал с волнением что угодно
От этой встречи – не смотрины:
В мужа не годный ты, мужчина!..

Мурлычу себе

Мурлычу под нос себе что-то такое,
Песни без слов, будто мне хорошо,
Душа не обманет меня, что в покое,
И даже когда мне подсунет стишок.

В невидимый мир незапертые двери,
Можно туда просочиться в мечтаньях,

Можно и в сказку на час, но поверить,
Можно назначить и встречу-свиданье,

Вот только потом тяжелее вернуться
В реальное время текущих событий.
Песни без слов непременно найдутся
Душе одинокой в хорошем подпитии.

Мурлычу невнятное, думаю думу,
О чем же, и мне самому не известно,
Я не беспечный душой, не угрюмый,
Судьба что затеяла, знать интересно.

И не зови!

В тайгу зовешь орешничать, рыбачить?..
Но там мошка и волки, и медведи...
Спасибо, нет, я лучше уж на дачу,
Там тишина, покой и добрые соседи.

Ну, да, я знаю, можно колотушкой
И по стволу – гребни мешками шишку,
Потом размять, просеять на вертушке
И вся недолга – знаю не по книжкам.

Легко от берега до берега в протоку
Поставить сеть на сутки или двое,
И вся романтика, и рыбадзор по боку,
Рыбачил сам, секрета не открою...

И у костра на лапнике ночевка,
И под уху стаканчик самогонки!..
Как ты меня поддел, товарищ, ловко,
И душу растравил довольно тонко!..

Нет, нет, прости, туда я ни нагой,
Сохатый ваш, и стерлядь, и грибочки,
Уж лучше стопочку в семье и на покой,
В тайгу уж без меня, сказал и – точка!

Завтра день

День на день не похож,
Год на год не похож,
Правда – нынче была,

А вчера правда – ложь,

И на завтра опять она – ложь.
Человек с человеком родня,
Человек с человеком – враги.
Вы узнали – забыли меня,

Отказали – просил, помоги!
Не просил и не ждал – помогали,
И совета не ждал, подавали.
Ваш совет мне не нужен теперь,

А вчера я нуждался в совете.
Предо мной вы захлопнули дверь,
Когда был одинок я на свете.
Но бывают еще совпадения,

И удачи случайно бывают.
Нынче есть, вчера не было денег.
Я на завтрашний день уповаю.
Завтра день совершенно другой,

Завтра будет он лучше стократ,
Мы помиримся снова с тобой.
Помечтал о хорошем и – рад!

Забвенье

Чтобы спасти, Бог изобрел забвенье.
Он порченную личность уничтожит,
Но сохранит ошибки. Тем ни менее,
Как ни грешил бы кто, а Бог поможет.

Поможет – чем?.. Ужесточит уроки.
Чтоб в новой жизни хуже мне жилось,
И изменился взгляд мой однобокий,
Заставит думать вбитый в душу гвоздь.

За век, чем больше скопится ошибок,
Тем озаренье выше степени накал,
В обиде гордый, если, стану гибок,
Даст не тогда, а позже, что искал.

Чем хуже мне, тем выше наслаждение
Прозреть в аду ли здесь, на небесах.
Так Бог задумал дату дня рожденья,
Страну, язык... всё взвесил на весах.

Но память стер, за что мне наказание,
Чтоб рассудив, духовно исправлять,
Даст мудрость ли загубит истязанье,
Зависит от меня, сумею лишь понять.

Забвенья нет для духа, искры Божьей,
Сосредоточие энергий бесконечных,
Ему любовь на свете всех дороже,
Он есть любовь, а значит, в Боге вечный.

Бомж

Меня, брезгливость подавив,
Как вещь, нашла в помойке?..
Я на свободе только жив,
Тряпье в подвале – койка.

Нужна ли жалость мне твоя?
Стократ, скажу, противна!
Судьбу такую выбрал я,
Дышать свободой – дивно!

Щетиной грязной пусть зарос,
И вши – мои подружки,
И на башке лишь прядь волос,
А шапка-рвань – подушка...

Когда-то женщину любил
До умопомрачения,
Всё ей отдал, себя забыл
Во власти наважденья.

А ей всё мало, дай и дай,
Дай шубы и квартиру.
Мне ад земной, земной ей рай,
Коль сотворил кумира.

А чрез семь ужасных лет
Я вдруг прозрел мгновенно:
Я просто раб!.. С ней спит сосед.
Решил бежать из плена...

И пусть неделями не ем,
И мерзну до икоты,
В постели нежиться твоей
Мне всё же не охота...

И почему, спрошу, сама
Осталась без супруга?
Свела упрёками с ума,
Иль помер от испуга?

Или сбежал к другой, в тайгу
Из самосохраненья?..
И я, как он, с утра сбегу,
Совсем без сожаленья.

Останусь если у тебя —
Как раб, должник, наверно?
Нуждаюсь я в простой любви,
Не в жалости презренной.

Уеду!

Брошу всё, и вдогонку за поездом,
На площадку вскочу налегке,
Что я встречу в пути, мне не боязно,
К черту весь городской этикет!..

Погрозит проводница мне пальцем,
Мол, нельзя так, проводит в купе...
Вдруг начну без причины смеяться,
Удивляться всему, как глупец.

Ты лети, мой вагон, через степи,
Через горы и реки, тайгу,
Пусть никто на вокзале не встретит,
От себя я сегодня сбегу.

Остановка. Гудок. Полустанок.
На перроне толпится народ.
От свободы и воздуха пьяный,
Я кричу паровозу: Вперед!

Так лететь бы без устали годы —
Остановка, гудок и вперед.
И мечте своей дикой в угоду
Жить, смеяться, дышать без забот.

Студенческие будни

Студенческие были с ностальгией
Из памяти всплывают невзначай,
Сквозь призму времени безмерно дорогие,
Беспечных славных лет опасный рай.

И разношерстная в основе, абитура,
В экзаменах пололась как трава,
Науками выращивать культуру,
На это преподам дается голова.

Срок роковых и кратких испытаний,
Как паровозом мчится скоростным,
Студентами лишь избранные станут,
До финиша, дай бог, добраться им!

Стипендию, общагу, номер группы
Раздал счастливым щедро деканат,
И каждый койко-место взял приступом,
Кто у окна, кто у двери, а всё же рад.

На благо института до занятий
Всем отработать полагается неделю,
Знакомимся, чтоб время зря не тратить,
И эти дни, как счастье пролетели.

А осенью, было бы лишь охота
Студенческие годы вспоминать,
На танцы бегали в подпитии в субботу,
И часто за полночь укладывались спать.

Экзамены, зачеты, курсовые ...,
От сессии до сессии – привычны.
Всю ночь зубрим, а утром чуть живые,
Сдаём предмет, бывает, на «отлично».

О, этот первый курс неповторимый!
Кто выдержал, тому уже не страшно.
Добраться до диплома – это стимул,
Девчонке замуж, если учится напрасно.

И день настал!.. Прощанье в ресторане.
И пары кружатся, и трёп под коньячок.
Какая ждет судьба, какими позже станем?
Пока что в радость нам и корки, и значок.

Четыре группы на потоке,
Сто двадцать девушек, парней,
Идут не в школу на уроки,
Как в бытность юности своей.

Кто на троллейбусе в толкучке
Прибыл с утра в Студгородок,
Кто из общаги шумной кучкой
Вливался в общий наш поток.

Чтоб не стоять у гардероба,
Сдавая куртки и пальто,
По холодку так лучше топать
Лишь в пиджачке – недалеко.

Парадной лестницей наверх в аудиторию,
Чтобы занять, какое нравится местечко.
Сегодня будем слушать партии историю,
С ленцой Гардеев что читает, нам до печки.

Но сдать экзамен у него всегда проблема,
Кто на плохом счету, тот обречен на пересдачу:
Доклад генсека, энный съезд, кто знает тему?
Писать конспект заставит он того тем паче.

А, впрочем, это ерунда, лишь крепче шкура,
Осиль сначала сопромат и не слети с катушек,
На прочность ферму просчитай, построй эпюры.
А ТММ иль ТКМ кто изучал, извел всю душу.

Но нипочем студенту трудности учения,
Коль выдержит он первых пару курсов,
Использует шпаргалку без смущенья,
А выпал случай, празднует он труса.

Стихотворный огонь

Любую мысль не сделаешь стихами,
Не хватит слов, и мысль оборвется...
Травы сухой, угля одно и то же пламя,
Одно на миг, другое долго жжется...
Как чувство опалит горячими крылами,
Так не смолкает долго эха мысли пламя.

И ум мучительно подыскивает слово,
Чтоб чувство выразить, которого уж нет,
Когда признать он поражение готовый,
На миг опять, то чувство дарит свет...
Прибегнет мысль, когда к воображенью,
Создаст из фраз она нагроможденье.

И чтобы труд тот зряшным не считали,
Стихами сор словес тщеславье назовет.
Так чувство вдохновит, кого-то и опалит,
Поэт – к огню, а графоман – наоборот.
Любая мысль не может стать стихами,
Пока поэт не выразит её горячими устами.

Рыбалка

У дяди поплавок то и дело ныряет,
Рыбы натаскал с полведра, не меньше.
Червей то и дело скармливал зря я,
А в ведре одна только рыбка плещет.

Комаров вокруг тьма-тьмушая,
Пищат возле уха и больно жалят.
Толи у дяди была удочка лучше,
Толи черви крепче держались.

Клюёт!.. подсекай проворней,
И не дергай удочку, вот меня
Дядя учит и с досады стонет,
Не так нанизывать надо червя!..
Поплавок нырнет чуть в воду,
Подожди, а потом осторожно тяни.
Очень просто, видишь, Володя!..
Хитрость маленькую пойми...

Высоко уже солнце, трава росой парит.
У меня улов весь на дне рыбок с пяток,
Ельца с ведро шутя наловил старик...
Разменял я тогда лишь девятый годок.

Решение простое

Всего-то надо нам поговорить,
Эмоции оставив напоследок,
И за полночь, а может, до зари
Пройти еще раз памятью по следу
От первых дней до этого стола,
Понять куда тропинка завела.

Мне кажется, решение простое,
Понять друг друга надо постараться,
И высказать, что душу беспокоит,

Упреками взаимно не кидаться,
Но от души попробовать простить,
Всего-то надо лишь поговорить.

Давай-ка выпьем рюмочку вина,
Отметим нашей свадьбы годовщину,
Пусть пропадет незримая стена,
Что женщину сокрыла от мужчины.
Пробить её мы можем с двух сторон,
Иль разделенные, за нею пропадем.

Всего-то надо нам поговорить,
Мне кажется, решение простое,
От часа этого до самой до зари,
И высказать, что душу беспокоит,
Пусть помирят нас рюмочка вина,
Исчезнет пусть незримая стена.

Рапорт

Прошу, входи, присаживайся!.. Рапорт
Я вам принес... Вы знаете причину...
Сынок, скажу, не лучший выход драпать:
Борись, терпи и верь, ты все-таки мужчина.

Я знаю женщин, да, и у меня супруга
Порой такая стерва, что пристрелить не жалко...
Но это к слову, так... С какого перепугу
Бросать надумал вуз, спрошу я, ёлки-палки?

Я на твоём бы месте, зажал бы между ног
И врезал от души жену по ягодицам!..
И от стыда молчала б, скажу тебе, сынок,
А руки распускать на женщин не годиться.

Твой рапорт я приму: не подпишу до срока,
Пуст в сейфе полежит, а ты иди работай,
Не горячись, подумай, и пусть трещит сорока,
Скажу, от офицеров, к тебе с доверием вотум.

Стелил я две недели на крыше рубероид,
От солнца и гудрона на негра стал похожим,
С высот тех глядя в дали, я вспоминал порою
Семейную проблему с участием прохожего...

Понять отца

Понять отца, как век мой через гору
Перевалил и катится тяжелой серой массой,
Мысль замедляет бег, но возрастает скорость
Паденья плоти в смерть прямой отвесной трассой.

Понять отца за миг до перехода,
Когда разделятся душа и плоти тлен,
И не по прихоти, и никому в угоду,
А пережитых лет и отданных взамен

За этот миг один, чтобы понять отца,
И ложных чувств к нему в плену своих ошибок,
Чтобы гримасы маски, смытые с лица,
Открыли все души пороки и изгибы.

Тогда поймешь, сливаясь с ним едино,
В себе отца на зеркале небес...
Там, только там отец встречает сына,
Он жил во мне, я в сыне не исчез!..

Переглядки

Не уж-то ты одна,
Не выгорев до дна,
В душе мечтой живая.
Смотрю, не отрываясь

В лицо, могла б смутиться
От пристального взгляда,
Что я, напротив, рядом,
Как будто намекаю

Сказать, что ты такая
Не можешь быть одна,
Подруга иль жена
Любимого мужчины.

Знакомиться причины
У нас конечно нет.
Следы прожитых лет
В лице, в глазах усталость

Скрывается, немало

Потерь видать и бед.
Без слов пошлю: Привет!
В ответ глаза отводит,

Но незлобиво вроде
И с ожиданием скрытым,
И от того сердита,
Что переглядки в душу

Покой души нарушат.
На остановке двери
Открылись приглашением,
Она уже не верит,

Поверив искушенью,
А вышла, ждет, ли выйду,
Минуто, вслед за нею,
Смахнув с лица обиду,

Чтоб бросить взгляд смелее.
Хотелось бы, но может,
Я обманулся всё же
Фантазией лиричной,
Коль дама симпатична.

Навязывать предложить

Предложить я могу, навязывать не в праве,
Неверный взгляд да кто-нибудь исправит
На свой манер и вкус, добавив искажение,
Могу принять, отвергнуть с раздражением,
Мол, ваши домыслы с моими не сравнить,
И не найдя согласие, не в праве я судить
И ваши убеждения в моём ли пониманье,
А время как рассудит, так нас оно обманет.

Навязывать не в праве, как поделиться тоже,
Вы сами что найдете, себе на пользу может,
Как и на пользу будет, всё то, что вы даёте,
Фантазию иль сказку, невольно ли солжете,
Но так солжете гладко, что верите уж сами
В героев приключений с горящими глазами,
Мне остается только принять или отвергнуть,
Неразделенность чувства обидное и скверное.

Наваждение

Плохое пусть сгорит, как лист осенний.
Найдем мы маленький романтики росток,
Удобрим и польем мечтами, и цветок
Распустится в тот час, в саду от зноя тени
Нас заслонят собой, и тихо наваждение
Сойдет с небес, и сладостный глоток

Придаст нам сил, в тиши уединенья,
Средь зелени вдвоём, и наслажденье
Как будто бы... Друзья, пока молчим,
Я слово произнес хрипуче и некстати,
Ты вздрогнула, цветы смахнула с платья.
Что ты сказал? Я не расслышала, прости...
Исчезли чары сказочных объятий...
Спугнул я миг романтики, проклятье!..

Мыслящее поле

Из шума тянутся, из серого тумана,
Пока что слабые без контурные формы,
Кипят капелью, образами странные,
Свиваясь в дым, рождаются упорно.

Они не страшные, а сказочные были,
Заволокут меня, окутают дурманом.
Их с привязи как будто спустили,
В тот час унять тоски-печали раны.

Не покидая разумом реальность,
Я проникаю в мир, не ведающий боли.
Он тоньше воздуха, устроен идеально,
Душою созданное мыслящее поле.

Здесь мама с папой молодостью зрелы,
А я бутон цветка на теплых их ладонях,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.